

На конкурс «Свободный театр»

Номинация – «Пьеса на общественно-политическую тему»

Сеппо Кантерво

*А как солдат молодым умирает,
так на том свете жизнь свою доживает...*

Поверье

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

*солдатская сказка
в двух действиях*

Действующие лица:

Иван Коргуев — сержант Красной армии, 25 лет
Сидор Иванович Коргуев – его сын, 75 лет
Мишка — рядовой Красной армии, 18 лет
Дэн — тележурналист
Виктория – телеоператор
Г.Б. (Галина Борисовна) – руководитель ТВ-программ
Гюнтер Брокман — пастор
Диана — жена хозяина замка
Томас — её помощник
Смерть солдатская
Мужчина
Женщина

*Действие пьесы разворачивается в двух временных пластах: в марте 1945 года
и в наши дни.*

Примечание: В зависимости от ситуации, последние два персонажа - это российские, или немецкие граждане, которых могут исполнять одни и те же актёры. Режим трансляции он-лайн (видео) всей истории или её частей применяется режиссёром, сообразуясь с постановочным решением. Перевод фрагментов немецкого текста обязателен только в эпилоге.

Санкт-Петербург
2014 г.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Офис телевизионной компании. Идёт совещание. Г.Б. (Галина Борисовна) сидит за столом, над ней несколько мониторов, на которых видны лица сотрудников.

Г. Б. Внимание, коллеги! С рекламой выборов губернатора ситуация понятная. Идём дальше! Я в курсе, что у нас наклёвывается кое-что по военно-исторической теме. Предупреждаю, это пойдёт в работу только в том случае, если сюжет будет не затёртый и не будет перепевов передач с других каналов. Кто докладывает?

ДЭН. Я, Галина Борисовна!

Г. Б. Давай, Булкин, только не умничай и побыстрее.

ДЭН. А когда это я умничал?

Г. Б. Ещё лишняя реплика – и я тебя отключу.

ДЭН. Понял, стартую... После первого сюжета о могиле солдата Красной армии в Германии появилась масса комментариев, звонки на студию...

Г. Б. Это я знаю, Дэн! Суть излагай, врубай уже быстрее свой мозг. А то Галине Борисовне надо в министерство ехать. Улавливаешь?

ДЭН. Итак, вот наш герой. Зовут его Сидор Иванович Коргуев, бывший железнодорожник. Кстати говоря, почётный. Даю кусок из сюжета.

На мониторе пожилой мужчина – Сидор Иванович. Он заметно волнуется.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я прожил целую жизнь без отца и без матери. Мечтал, что когда-нибудь узнаю, как и где погиб мой отец. Много лет я его разыскивал, делал запросы в разные инстанции – и всё напрасно. И вдруг месяц назад из военкомата позвонили. Один немецкий священник написал в наш город, что он разыскал место, где похоронен мой отец. Я очень хочу туда поехать, посетить могилу отца, пока сам ещё жив... Правда, сделать мне это будет трудно, хоть я и работал всю жизнь, однако...

Г. Б. Дальше всё понятно. Что-то ещё есть?

ДЭН. Есть. К предстоящему юбилею Победы оцифровывают военную хронику, и нам удалось найти один эпизод, где фигурирует солдат с такой же фамилией. То есть мы так думаем, что это он. Но это пока не факт.

Г.Б. Давай!

На мониторе фрагмент военной хроники. Перед солдатами рассказчик.

РАССКАЗЧИК. Вот, братцы, такой вам сказ от Вани Коргуева. Слушай да не скучай, моим присказкам хором отвечай!

ГОЛОСА. Давай, Ваня! Жарь до горы!

РАССКАЗЧИК. Летит-свистит по небу фрицевский Ю-88: «Везу-у! Везу-у! Везу-у!»

Подарки берлинские змей везёт. А зенитки наши не зевают, разом все отвечают:

«Кому? Кому? Кому? Кому? Кому? Кому? Кому?». А фриц огрызается, зараза: «Вам!

Вам! Вам! Вам! – «О-ох!» – застонала мать-земля сырая. «Ах, ты так! Ты так, ты так!»

– рассердились наши пулемёты и пошли «музыканта» немецкого свинцом поливать.

А стервятник заюлил, над головой кружит: «О-о-о!» – поёт свою песню, гнида.

«Куда? Куда? Куда?» – кричат ему зенитки. А змей своё, не унимается: «Я вам дам!

Я вам дам! Я вам дам!» – бомбит лютый, мочи нет. «Ах, ты, дурак! Мы тебя так и так, и растак» – разгневались пуще прежнего зенитки, а за ними пулемёты-огнемёты. Тут и фрицу тошно стало. Рад бы уйти, да не вырваться «О-о-о!» – заревел змей лютый.

Хвостом верть-поверть, что помелом разметает, путь-дорогу себе расчищает... А облака-то наши! Не летай по небу русскому! Хвать его, похвать зенитки по хвосту, не летать тебе прохвосту! «О-о-о!» – заревел фриц и носом пошёл-пошёл да в землю. Только дым и смрад остался. Не суй своё свиное рыло да в наш советский огород!

Солдаты живо реагируют на выступление, звучит гармошка, сюжет обрывается.

ДЭН. Дальше уже другие выступают. Но можно будет этот эпизод вмонтировать, вообще всё время перемежать сюжет хроникой военной.

Г. Б. Прекрасно. Вполне современный ход. Прямо битбокс какой-то.

ДЭН. Ага! Вы тоже заметили, да? Нам самим нравится.

Г. Б. Какой у тебя план?

ДЭН. Зрители рвутся узнать, что будет дальше. Мы решили создать проект типа путешествие с героем он-лайн. Формат, сами знаете, популярный. Так что... Нужна командировка в Германию и пенсионеру некая финансовая помощь. Очередной юбилей Победы не за горами, всё в тему. А самое интересное: могила находится в старом замке, замок весь из себя романтичный, своими руками его построил один архитектор, воспевая красавицу жену. А во время войны...

Г.Б. Жена меня мало интересует. А идея путешествия с героем нравится.

Патриотизм, героизм, история... Это важно... Смету накидай. Пускай Мохова тебе поможет, только скромно. Евро нынче - не то что прежде. Дэн, слово это услышь, пожалуйста, — скромно! Документы изучить надо тщательным образом.

ДЭН. В смысле?

Г. Б. Мошенников, желающих скататься за бугор за счёт нашей редакции, не перечить.

ДЭН. Да он вроде...

Г. Б. Булкин, внимай! Всё нужно проверить. Действительно ли старик — сын погибшего бойца, был ли он сиротой, есть ли такой немецкий город на карте, такой священник и так далее. А хроника — это вообще особая статья, проверить досконально. И помни, твой репортаж должен зацепить за живое. Хочешь, чтобы он-лайн путешествие было нескучным, создай повороты и неожиданности в сценарии. Ясно?

ДЭН. Ясно. Мне важно, чтобы Володя Мазаев оператором был. Он уже в теме.

Г. Б. Я подумаю.

ДЭН. А когда же будет ответ?

Г. Б. Когда рак на горе свистнет.

ДЭН. То есть завтра на планёрке?

Г. Б. Наконец-то ты проснулся, Булкин.

ДЭН. Спасибо, Галина Борисовна! Вы очень чуткий руководитель!

ВТОРАЯ КАРТИНА

Скамейка на перроне железнодорожного вокзала.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Меня знаешь, как в детстве дразнили?

МУЖЧИНА. Как?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Сидор, Сидор – гнилой помидор.

МУЖЧИНА. Ну, нормально, без мата. А у меня в детстве кликуха была Чёрт. Только я не понял, почему тебя помидором обзывали?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Да я с самого детства, когда волнуюсь, красными пятнами покрываюсь. Вот и сейчас на шее пожар.

МУЖЧИНА. Надо было мазаться одеколоном, он сушняк организует. Одеколон – первое дело для мужика. С детства принимаешь одеколон – и как огурец.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Какой в ту пору одеколон? Ничего у меня не было. Никого и ничего. Война проклятая всю родню выкосила. Аллергия моя – это у меня на войну аллергия, с детства. Вот так выходит.

МУЖЧИНА. А-а... Не лечится, что ли?

ЖЕНЩИНА. А жёны теперь за родню разве не считаются?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Жена – совсем другое дело. Кусок жизни другой. Жену я любил. Страшно любил и ревновал... В общем, жёны — отдельная статья.

МУЖЧИНА. Я про жену только одну песню знаю: «У попа была собака...»

ЖЕНЩИНА. Язык прикуси! Ревность, она украшает мужчину... А лет вам сколько, уважаемый?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Семьдесят пять исполнилось вчера. Теперь, получается, я его на пятьдесят лет старше.

МУЖЧИНА. Кого старше?

ЖЕНЩИНА. Да он всё про отца своего вспоминает. Очень сильно удивляюсь я на вас. Как же вы решились поехать в ихнюю дебилную Германию? Они же нас до сих пор ненавидят. А сейчас и подавно.

МУЖЧИНА. Будто они нас любили когда?

ЖЕНЩИНА. Времена нынче смутные. Войной пахнет.

МУЖЧИНА. Я в это не верю. А не ехать нельзя. Отец ведь ждёт меня там. Вещички собрал по-быстрому, подарков накопил и в путь-дороженьку.

ЖЕНЩИНА. Русских, говорят, там за мусор держат. Без языка шагу не ступишь.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я много чего понимаю по-немецки, учили ведь в школе, из фильмов кое-что помню. Ауфидерзейн, битте ну и прочее...

МУЖЧИНА. Шнеля-шнеля! Хенде-хох! Я тоже кое-что помню. Ну, вот же, знает он... Не пропадёт. Ничего, проскользнёшь. А вообще, язык до Киева доведёт.

ЖЕНЩИНА. Какой Киев! Думай, что мелешь!

МУЖЧИНА. Раньше-то так все говорили...

ЖЕНЩИНА. Раньше и я девочкой была.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Меня в Москве журналисты встретить должны, они ребята молодые, современные, знают, как там всё обстоит за границей.

МУЖЧИНА. Выходит, журналюги эти на тебе заработать решили?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ну что вы! Они ведь сами меня нашли, помощь оказывают. Снимать будут сюжет. Без них я бы не выбрался.

МУЖЧИНА. Денег тебе придётся потратить много. Эта как его... Ифляция.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Это верно, всё подчистую подмёл. Сберкнижку извёл, и в евры гроши перевёл.

МУЖЧИНА. Это правильно, там сто грамм за рубли не нальют.

ЖЕНЩИНА. Дорога вам дальняя светит, уважаемый. Трудная дорога... А вы, значит, один и без провожатых?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Один. Но это ничего. Дочка, правда, звонила. От порога до порога – всюду есть человеку подмога. Верно ведь?

МУЖЧИНА. Молодец! Уважаю таких. Скажи, чем помочь? Поможем!

СИДОР ИВАНОВИЧ. А вы бы разве не поехали на могилу в таком вот случае?

МУЖЧИНА. Я бы поехал. Еще и на халяву.

ЖЕНЩИНА *(покосившись на Мужчину)* Всё вы правильно делаете. Не сомневайтесь. Бог в помощь. Землю-то взяли?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Землю? Какую землю?

ЖЕНЩИНА. Э-эх! Как же так-то? Человек-то вы уже не молоденький. Должны знать.

МУЖЧИНА. Ага, точно. Это же так положено. С родины землю везти на могилу к

родне в дальние края.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ох, ты! Мать честная... Забыл! Делать-то что теперь?

ЖЕНЩИНА. Этого забывать никак нельзя. Дедовский это обычай. Удачи не будет.

СИДОР ИВАНОВИЧ. И как же теперь-то? Вот уж и поезд мой на подходе. А кругом тут асфальт как на грех...

МУЖЧИНА. А земля-то с могилы быть должна?

ЖЕНЩИНА. Главное, чтоб с родного края была. Вот что. Бегите круг вокзала, я заметила, перед входом клумба цветочная есть. Там чернозёму местного и черпаните. Да чтобы земля без камней была. Без камней.

МУЖЧИНА. Только бежать надо галопом, а то опоздаешь. А у тебя вещи...

СИДОР ИВАНОВИЧ. С чемоданом мне быстро-то не обернуться. Постерегите уж ради бога! Очень вас прошу!

МУЖЧИНА. О чём речь, земляк? Давай шпарь не оглядывайся.

Сидор Иванович спешит к клумбе. Мужчина и Женщина немного пережидают, а потом поднимаются, подхватывают чужой чемодан и спокойно удаляются в противоположную сторону.

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Двор старинного немецкого замка. 1945 год. Два солдата Красной армии разматывают нитку телефонной связи. Вблизи слышны глухие взрывы.

ИВАН. Чего-то Петруничева долго нет. Надо сползать посмотреть.

МИШКА. Того и гляди опять накроет нас.

ИВАН. Наблюдательный пункт выбрать — это тебе не девку щупать, это дело серьёзное.

МИШКА. А сколько у вас, товарищ сержант, ранений было?

ИВАН. Два с половиной.

МИШКА. Как это — с половиной?

ИВАН. Один раз в тыл, другой во фронт, а третий в ухо, но навывлет.

МИШКА. Опять вы шутите. А пуля разрывная когда разрывается?

ИВАН. Опять за своё! Не думай ты о пулях. Пуля — смерти подружка. Мы её не ищем, она нас сторожит. Вот пусть у неё, курносой, голова и болит! А ты, Мишка, русский весь или только до пояса?

МИШКА. Сами вы до пояса!

ИВАН. Ну, раз мамка твоя из Белоруссии, а отец сибиряк, то кто ж ты есть на самом деле? Белосибиряк, что ли?

МИШКА. Чего?.. Кто надо! Я советский человек.

ИВАН. Шутка-прибаутка! Я вот тоже советский, но я ещё и помор. И от этого своего звания не отрекаюсь. Слышал про таких?

МИШКА. Вроде, слышал.

ИВАН. Вроде — в природе, а природа — в приплоте. А приплот, знаешь, где? А приплот...

МИШКА. Ага! Опять! Мы же договорились без мата!

ИВАН. А кто его вставляет? Приплот, Мишка, он — везде!

МИШКА. У вас, товарищ сержант, словно дар какой-то. Всё у вас игра какая-то...

ИВАН. А как же! У меня ведь батька сказки сказывал. Знаменит был на всю округу, сам Михаил Иванович Калинин орден ему вручал. Сам Калинин!

МИШКА. За сказки орден? Кто ж в такое поверит?

ИВАН. Хошь верь, хошь нет, но так оно и было. В наших места без поговорки и сказки

жизнь темна. Там как уйдут рыбаки в море на месяц, так лучшее развлечение – сказка у костра, вместо радио. Вот и я пристрастился: рыбку ловить да слово говорить.

Слышен близкий разрыв мины.

ИВАН. А ты на кого учился?

МИШКА. На механика.

ИВАН. Значит, в технике лучше меня смыслишь. Вот и скажи, Мишка, почему у нас слова по проводам бегут всего на какие-то километры и всё спотыкаются? А когда будет так, что я прямо в нашу деревню позвонить смогу с берега германской реки или французской?

МИШКА. Так наши рации и сейчас на пятьсот, а то и на семьсот километров берут.

ИВАН. Ты азбуку не проповедуй. Что мне твои пятьсот? До дома-то теперь многие тыщи верст по-пластунски.

МИШКА. Обязательно такое будет. Советские люди всех обгонят.

ИВАН. Обещаешь?

МИШКА. Конечно. Я сам всё это и изобрету. Вот Гитлера приберём и тогда...

ИВАН. Ну, смотри, обещал. А то взял бы я сейчас трубу, а из неё голоса родные льются, волна шумит, жена смеётся, пацан мой, Сидорка, щебечет что-то... Алё-алё? Это кто? А это я, Иван, из окопа из самого Европа, а вокруг меня в окопе блошки, автомат вместо матрёшки... и Мишка — молодец, нестреляный боец...

Очередной разрыв мины.

МИШКА. Товарищ сержант, может, проверимся? Линия-то наведена вроде.

ИВАН (*проверяет связь*). Алло, алло! Восьмой, восьмой, я – «Камень»! Слышишь меня? Так точно! В самом замке. По над самой речкой... Да, он недалеко... Алло!

Алло! Алло! Восьмой! Восьмой! Алло! Ну вот! Ты своим «вроде» сглазил связь!

Опять обрыв. Приказ тебе простой – идёшь обратно по нитке, только сильно не высывайся, обнаружишь разрывы – сростки делай на совесть, как учил. А я пока тут окопаюсь. Кровь из носа нам надо связь навести Петруничеву со штабом полка. Ну, что молчишь? Что отвечать положено?

МИШКА. Так точно.

ИВАН. Вот и восстанавливайте связь немедленно, товарищ солдат.

МИШКА. Есть восстановить связь.

ИВАН. Ну, чего мнёшься-то?

ПАУЗА

МИШКА. Разрешите идти?

ИВАН. Катушку оставь.

МИШКА. Есть!

ИВАН (*прислушивается к взрывам*). Гляди-ка, немец драп-марш совершает, а огрызается как бешеная собака. Опять фрицевский «дурило»* заворочался.

МИШКА. Ничего, скоро захлебнётся.

ИВАН. Вот! Теперь в тебе правильный настрой. Беги и очки свои пуще всего сохраняй.

Мишка уходит.

*Прим. «Дурило» — немецкий шестиствольный миномёт реактивного действия.

ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

Германия, католический костёл. Пастор заканчивает проповедь.

ПАСТОР. ...Но всё, что было сказано выше, не умаляет грехов наших. И всё в Божьей власти отныне и во веки веков. Аминь.

ПАУЗА

МУЖЧИНА. Вот вы, святой отец, говорите одно, а ратуете за другое. Нехорошо это!

ПАСТОР. Простите?

ЖЕНЩИНА. Это верно, потому что дел ваших прихожане не поддерживают. И у нас возникает вопрос. Серьёзный вопрос.

ПАСТОР. Давайте выйдем и поговорим на воздухе.

МУЖЧИНА. Нет. Пускай святые стены свидетелями будут.

ЖЕНЩИНА. Здесь и голос наш слышней.

ПАСТОР. Хорошо. Так о чём вы хотели меня спросить?

МУЖЧИНА. Не только мы, но и дети наши, и соседи.

ЖЕНЩИНА. Здесь у нас, святой отец, не Берлин и не Гамбург – все на виду. А вы как человек пришлый под особым у всех контролем.

ПАСТОР. Всего знать и видеть люди не могут...

МУЖЧИНА. А мы не про всё. Мы только про то, что вы намереваетесь принимать здесь русских. Ваше интервью в газете возмутило многих. Неужели вам неизвестны новые тенденции? Весь мир возмущён их вероломством.

ПАСТОР. Простите?

МУЖЧИНА. Все разумные люди отвергают стремление русских к новой гегемонии. Цивилизованное сообщество теперь едино как никогда и даёт понять, чтобы они снова слишком не задирали свои носы.

ЖЕНЩИНА. Тем более, что они у них красные! Вам известно, что там, на Востоке, на могилах наших солдат свинарники стоят?

МУЖЧИНА. А в Берлине граждане требуют убрать танки из парка Тиргартен. И это только начало.

ПАСТОР. Может быть, это – начало конца? Зачем вы говорите слова, за которые вам будет стыдно? Извините, но я так и не понял, о чем вы хотели меня спросить?

МУЖЧИНА. Ответьте: достаточно ли Германия терпела унижения?

ПАСТОР. Я не знаю.

МУЖЧИНА. А кто же тогда должен знать?

ПАСТОР. Бог.

МУЖЧИНА. Не надо говорить с нами, как с детьми малыми.

ЖЕНЩИНА. В сорок пятом мы проиграли войну, но не обязаны до скончания веков себя принижать. Между прочим, государство даже не удосужилось поинтересоваться мнением народа, когда решило обустроить кладбища для русских.

МУЖЧИНА. Но те времена прошли!

ПАСТОР. Надеюсь, господин Штумпф, это только ваше личное мнение?

ЖЕНЩИНА. Как бы не так! Это мнение большинства. Даже в нашем небольшом городке у нас много сторонников. Имейте это в виду.

ПАСТОР. Я не политик и не чиновник. Меня больше беспокоит, что наш приход уменьшается, а люди идут в церковь только когда нужно кого-то похоронить. Мне очень жаль, что вы не до конца верно понимаете, что такое милосердие.

МУЖЧИНА. Я прекрасно понимаю, к чему вы клоните, но мои родственники тоже сгинули там, в России, без следа, и никто их не ищет.

ПАСТОР. А вы сами не пытались это сделать?

МУЖЧИНА. Разве можно с ними о чём-нибудь договориться? Это бред! Посмотрите, как они себя ведут!

ПАСТОР. Вы не знаете истинных фактов. Сейчас в России обустроивается много могил немецких солдат. Вы можете вступить в наше общество.

МУЖЧИНА. Для этого есть чиновники, они получают зарплату, а мы платим налоги. Всё должно делаться цивилизованно.

ЖЕНЩИНА. Зачем вы с упорством маньяка разыскиваете новые могилы?

ПАСТОР. Я не разыскиваю могилы, я помогаю установить имена погибших.

МУЖЧИНА. А кто вас просит об этом?

ПАСТОР. Я действую по велению своего сердца.

ЖЕНЩИНА. Послушайте! Прошлое – это то, что прошло и о чём пора позабыть!

ПАСТОР. Я как раз и не хочу, чтоб об этом забыли.

МУЖЧИНА. Но таким образом вы предаёте наши принципы. Идеалы Европы!

ЖЕНЩИНА. Я говорила тебе, что у него была русская жена. Пошли домой!

МУЖЧИНА. И в том, что на ваши проповеди не ходят люди, виноваты вы сами. Церковь всё дальше отдаляется от своих прихожан, потому что не учитывает их интересы.

ПАСТОР. Но церковь – это не парламент.

ЖЕНЩИНА. До свидания!

МУЖЧИНА. Вы должны хорошенько подумать о своём положении в нашем обществе.

ПАСТОР. Я подумаю. Жду вас в субботу на службе. Да хранит вас Господь.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Аэропорт. Зал ожидания

СИДОР ИВАНОВИЧ. Вот и нарисуй себе в уме, Виктория Батьковна, как бы я один, без вещей по Москве сейчас бродил? Словно телок без узды. Ни побриться, ни умыться, ни живой воды напиться...

ВИКТОРИЯ. Извините меня, но по всем внешним признакам вас наверняка держат за лоха, поэтому и обнести стараются в местах скопления масс.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Чего? Где-где?

ВИКТОРИЯ. Ну, на вокзалах, в гостиницах, на рынке. Там много гопоты всякой.

СИДОР ИВАНОВИЧ. У нас на городском рынке за столько лет ничего у меня не украли. А тут... Но ведь и на старуху бывает проруха... А?

ВИКТОРИЯ. Прикольная рифма. А кстати, что такое проруха?

Быстро входит Дэн.

ДЭН. Прикупил для вас стильный кейс. Дорожный формат – всё необходимое для путешественника. Держите, Сидор Иванович. И нам через десять минут выдвигаться надо на регистрацию.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Спасибо тебе, сынок! Я обязательно деньги потом верну.

Сколько он стоит? Дорогая поди вещь?

ДЭН. Не волнуйтесь, это за счёт нашей фирмы.

ВИКТОРИЯ. Ты что, звонил Г.Б.?

ДЭН. Нет, но контора не обеднеет.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Всё хочу спросить: а имя-то настоящее у тебя какое? А то как-то неловко тебя Дэном называть. Словно кличка какая.

ВИКТОРИЯ (*хохочет*). Получил?!

ДЭН. Получил. Но всем нравится, мне тоже. Лучше проверьте свой паспорт заграничный...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Документы я всё время у сердца держу. Так в армии научили. Привычка меня сейчас и спасла. А чемодан-то в карман не затолкаешь... Часы купил памятные для пастора. И костюм новый наладил с галстуком... А сам-то в дорожном виде остался.

ВИКТОРИЯ. О, опять! Сколько же можно страдать?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Знаю, девонька, что по отрезанным волосам не плачут, но обидно. Сколько ценных вещей пропало. Ночью почти не спал. И кабы не зубы да не губы, то и душа бы вон.

ВИКТОРИЯ. Страховку оформлять надо было на багаж. Это нормально.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Задним-то умом... Схожу-ка я с горя в туалет, а то в самолёте очередь будет. Может, полегчает?

ДЭН. Вас проводить?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я пенсионер, но не инвалид, у которого голова не в том месте болит.

Уходит.

ВИКТОРИЯ. Дэ, ты действительно веришь, что его обокрали? По-моему, он очень хитрый старик, всё сказки да поговорки, а на самом деле – просто выжимает из нас деньги по максимуму.

ДЭН. Чушь не пори. А если и выжимает, то мне не жалко, лишь бы всё срослось. Теперь так. Сейчас в зале снимаем общую панораму: суета, люди, звуки. Потом подходим с ним к регистрации, остановка, задаю вопросы. Следующий кусок снимем уже в немецком аэропорту. Тебе ещё надо упаковать аппаратуру.

ВИКТОРИЯ. А тебе её нести. Классно было бы снять его лицо крупняком из будки пограничного контроля.

ДЭН. Помечтай.

ВИКТОРИЯ. Может, в Германии попробуем?

ДЭН. Это мысль, немцы упираться рогом не будут, как наши.

ВИКТОРИЯ. Кстати, про немцев. Копнула я интернет и просветилась офигенно.

Оказывается, в Германии наших солдат и пленных похоронено очуметь сколько!

ДЭН. Почти восемьсот тысяч.

ВИКТОРИЯ. Вот! И по всей Германии мемориалы, кладбища, и немцы это терпят столько лет. Вот это демократия. Да?

ДЭН. Викуся, ты вот когда молчишь, такая классная девка...

ВИКТОРИЯ. Я подумала, что если бы, например, бойцам хана Батыя, которые с русских брали дань, устроили бы в Москве кладбище и за ним ещё бы и ухаживали?... Ну, реально же напруг для местных.

ДЭН. Может, тебе тоже в туалет сходить?

ВИКТОРИЯ. Ну, а чё? Мне просто самой интересно, что они чувствуют? Не зря же везде памятники наши сковырнуть пытаются.

ДЭН. Не везде. И причины тут другие.

ВИКТОРИЯ. Оптимистам легко.

ДЭН. А тебе известно, что мемориалам, о которых ты без толку трендишь, ООН вечный статус присваивает?

ВИКТОРИЯ. Хм, ООН! Тоже мне, нашёл на кого ссылку гнать. И вообще, вечного ничего в этом мире нет. А кстати, чего ты сегодня на меня наезжаешь с утра? Я не виновата, что твой дружбан руку сломал. Галина Борисовна упростила ехать, а у меня были совершенно другие планы.

ДЭН. Ладно, завязываем дискуссию, он идёт.

Возвращается Сидор Иванович.

ДЭН. А что у вас вид такой кислый? Опять обокрали?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ага! Последние портки упёрли да сопли дедовы утёрли!

ВИКТОРИЯ. Я же говорю, прикольный у нас герой.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я для вас обуза, а не герой. А грустинка моя оттого, что я без подарка остался. Этому святому человеку Гюнтеру я сувениры вёз. А черти вмешались. Тьфу!

ДЭН. Пустяки. Для сувенира в такс-фри возьмём бутылку водки.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Водки? Конечно, дарёному коню в зубы не смотрят, но не обиделся бы пастор. Водка не всякому в горло полезет.

ДЭН. Глупости говорите. Кто на водку когда обижался?

ВИКТОРИЯ. Купи текилу. Я читала, что в Ватикане все папы текилу пьют.

ДЭН. Ох, начитанная ты наша. Встаём, нам пора.

ВИКТОРИЯ. На Берлин!

СИДОР ИВАНОВИЧ. А разве мы летим не в Дюссельдорф?

ДЭН. Она так шутит.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Тогда – ясно. Тогда – на Берлин!

ВИКТОРИЯ. Сидор Иванович, колитесь, как проруха с древнерусского переводится?

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Германия, двор замка. 1945 год. Сильный взрыв, на секунду всё покрывается пылью.

ИВАН. Мишка, жив?

МИШКА. Жив. Что там у Петруничева? Связь-то есть?

ИВАН. Плохо дело. Накрыло всю нашу разведку.

МИШКА. Как же так?.. Они же...

ИВАН. Мёртвые все трое. И связи нет.

МИШКА. А я скрутки сделал...

ИВАН. В одной воронке лежат... Иди-ка подбинтуй меня. Вишь, ногу зацепило.

МИШКА. Ух ты!

Мишка помогает Ивану забинтовать раненую ногу.

ИВАН. Вот такие, бабушка, калачи со сметаной... Что на позиции?

МИШКА. Там целых восемь танков в низине. Я между домами проскочил.

ИВАН. С той стороны тоже лезут. Значит, догорела свечка до полочки.

МИШКА. Получается, окружили нас?

ИВАН. Не дрейфь, солдат! Мы люди моря, живём на суше, когда нет боя – бьём баклуши.

МИШКА. Надо доложить.

ИВАН. Это точно, это надо... Мы с тобой как два гуся, которых скоро жарить начнут.

МИШКА. Напролом прут, гады! И как быстро.

ИВАН. Потому и прут, что отступить-то им теперь больше некуда.

МИШКА. А утром-то мы уже почти у реки были...

ИВАН. Нам с тобою жизнь – оглобля, а кому-то – стебелёк.

МИШКА. А если обратно пробиться, товарищ сержант?

ИВАН. Ладно я – весь в дырках, а тебе-то они зачем? Живыми мы больше пользы полку принесём. Верно?

МИШКА. Так что же, прятаться здесь, как крысам?

ИВАН. Провода наши танки кончили. Это ясно. Теперь наш телефон, как колокольчик у заблудившейся коровы, а вот рация должна работать. Уловил?

МИШКА. Так ведь обнаружат.

ИВАН. А чего нам раньше срока бояться?

МИШКА. Верно! Пусть они, гады, бояться.

ИВАН. Сухарь дай. Я когда жую, быстрее соображаю.

МИШКА. Товарищ сержант, с башни, которая над нами, всю округу видать. Оттуда корректировку давать можно для артиллерии.

Совсем близко слышны разрывы мин.

ИВАН. Молодец, Мишаня! Так и до генерала скоро дорастёшь. А теперь сворачивай хозяйство, а я проковыляю, погляжу, кто в этом тереме живёт и где затаиться можно.

Иван уходит. Появляются две фигуры в гражданской одежде – хромой Мужчина и Женщина. Увидав Мишку, они начинают пятиться.

МИШКА. Стой! Ахтунг! Стой, кому говорят!

МУЖЧИНА. Schisen sie nicht! Schisen sie nicht!

МИШКА. Вы откуда здесь взялись-то? Вы кто такие? А ну-ка, руки вверх!

МУЖЧИНА. Schisen sie nicht !

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Сидор Иванович и Пастор стоят у больших металлических ворот замка.

ПАСТОР (с заметным акцентом). Надеюсь, в гостинице вам хорошо и всё подходит.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Слов нет, дорогой Гюнтер. Царские палаты. И вид из окна хороший, и тепло, и чисто.

ПАСТОР. А где всё-таки Виктория и Дэн? Почему их нет?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ребята вчера в ночь на танцы собирались, на дискотеку. А утром я их не нашёл. Думаю, на экскурсию их понесло по городу.

ПАСТОР. Это странно.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Уж больно тут красиво, как в райском саду. И домишки все с башенками, и дворики малюсенькие, ладные. Прямо как в сказке. Сколько же лет городу?

ПАСТОР. Почти семьсот лет. Мы вам скоро устроим хороший просмотр... Я звонил сам Виктории, но она не отвечает.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Извините, мы, наверное, вас задерживаем?

ПАСТОР. Нет, сейчас у меня есть специальное время для вас. Я могу рассказать немного про этот маленький замок, потому что он связан с вашим отцом.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Конечно, расскажите. Очень он красивый, весь в цветах.

ПАСТОР. Когда-то замок принадлежал одному известному скульптору. Этот человек построил его собственными руками. Здесь было много скульптур и картин, – будто маленький музей. Так все говорили в округе. В тысяча девятьсот сорок пятом году сюда пришла война и сильные бои. Наш городок несколько раз переходило из рук в руки. Скульптор просил, чтобы немецкое командование не минировало здание, но нацисты просто его прогнали. Скульптор не захотел уйти от своего творения. Когда город взяла Красная армия, скульптор боялся, что русские всех убьют, но русские так не поступали и ничего не грабили. Наоборот солдаты помогли ему избежать смерти. И один солдат погиб прямо здесь, около этой башни. Чтобы фашисты ничего не

сделали с телом солдата, скульптор успел похоронить его во дворе и нарисовал сверху белый крест.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А к чему же крест? Где это? Где это место?

ПАСТОР. За этими большими кустами. Сейчас могилу не видно, но башню можно разглядеть.

Сидор Иванович пытается сквозь ограду рассмотреть двор замка.

ПАСТОР. Скоро в город снова вошла ваша армия, военные, узнав о смерти товарища и увидев белый крест, сказали, что это неправильно, что нужна красная звезда на могиле.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Верно. У наших солдат везде звезды на могилах.

ПАСТОР. Военные обещали вернуться и перенести солдата в другую могилу. Но никто не вернулся, наверное, они тоже погибли. Скульптор всё-таки положил поверх белого креста красную звезду из камня. Никто из местных не знал ни имени, ни фамилии солдата. Так было несколько лет. Потом умер сам скульптор, а его родственники со временем переехали в Австралию. А потом наследники хотели продавать дом и землю. И совсем недавно продали всё какому-то богатому человеку.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Но как же вы узнали, что здесь именно мой отец лежит?

ПАСТОР. Вот это очень интересно. В Германии есть Общество памяти и волонтеры, которые восстанавливают имена погибших советских солдат. Я им тоже помогаю, потому что знаю ваш язык. И когда мне стало известно о могиле в замке, я решил разыскать какие-то факты. Поначалу не было ничего, но в прошлом году я нашёл одну женщину, её мать работала здесь во время войны и помогала хоронить солдата, и у неё сохранилась одна его вещь. Это просто солдатская фляжка, она долго лежала на чердаке. Фляжка была в чехле, но весь чехол истлел от старости, а под ним я нашёл надпись на русском языке: «Иван Коргуев 25.10. 20. Беломорск». И потом узнал, что есть такой город в России, и тогда решил написать туда письмо. И вот, слава богу, вы здесь. Это очень большое чудо!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Именно чудо! Именно. Я столько лет искал – и всё напрасно.

Представьте себе, уважаемый Гюнтер, что у меня почти ничего нет от родителей.

Ничего. Только пара фотографий из военного архива. Их из Москвы прислали.

ПАСТОР. А что всё-таки значит такая фамилия – Коргуев? Я не понимаю.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Корга – это каменная отмель, такое старое, древнее слово. У поморов есть много своих слов, которые другим не понятны. Он из рыбацкой семьи был.

ПАСТОР. Я, кажется, понимаю. То есть, можно говорить, что ваша фамилия – Камень?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Можно и так. А для меня-то он вообще как скала... Мой-то батя для меня самым большим человеком был. Как будто он богатырь...

ПАСТОР. Мы должны больше знать про вашего отца. И если вы захотите, то мы можем позаботиться, чтобы его перезахоронили в большую могилу, в то место, где лежит много советских солдат.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Спасибо вам сердечное! Я, признаюсь, к немцам всю жизнь настороженно относился.

ПАСТОР. Это понятно.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Это всё-таки неправильно. Я вот сейчас, глядя на вас, так думаю...Целую жизнь прожил, а в конце другими глазами на многое глядеть приходится. Правильно говорят: наживёшься кума, наберёшься ума...

ПАСТОР. Простите?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Не слушайте вы мои старые слова.

ПАСТОР. Может быть, вы хотите побыть здесь один? А я пойду снова в гостиницу,

потому что волнуюсь из-за Виктории и Дэна. Я потом вернусь.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Не знаю... Да, наверное... Если можно... Я так долго этого ждал, что теперь совсем растерялся... Я ведь, господин пастор, больше всего боялся не дожить до этого дня. Но вот, я здесь. Разве это не чудо?

ПАСТОР. Может быть, вам нужен врач?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Нет-нет. Зачем врач? Барахлит моторчик, но терпимое дело.

ПАСТОР. Не спешите, у нас есть время. Только никуда не уходите.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Зачем же мне уходить отсюда? Буду теперь тут как на часах. Неужели эти ворота прямо сейчас нельзя открыть?

ПАСТОР. К сожалению. Раньше здесь был сторож, он разрешал входить, но теперь его нет, наверное, тут новые порядки. Вы не беспокойтесь, я уже звонил в фирму, которая продавала дом, и завтра мы обязательно попадем туда. Я сейчас ещё раз попробую их побеспокоить.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Не знаю, что бы без вас было. Спасибо вам, господин пастор.

Пастор уходит. Сидор Иванович роется в карманах, достаёт таблетки, глотает их и некоторое время стоит, закрыв глаза. Появляется Смерть, проходит мимо старика, подозрительно к нему приглядывается. Сидор Иванович открывает глаза.

СИДОР ИВАНОВИЧ (*в спину уходящей Смерти*). Извините, вы не сторож? Эй! Вы случайно не говорите по-русски?

СМЕРТЬ. Найн. По-русски не понимайт.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Извините!

Смерть уходит, старик с недоумением провожает её взглядом.

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Посреди бетонной коробки, стены которой сплошь исписаны граффити, привязанные к одной из опорных колонн, сидят Дэн и Виктория. Под самым потолком одно узкое, забранное решёткой окно. В глубине – стальная дверь.

ВИКТОРИЯ. Теперь сам ори, я больше не могу – голос охрип.

ДЭН. Бесплезно. Они же недаром рты не стали нам затыкать. Знают, козлы, что слышимость на нуле.

ВИКТОРИЯ. У меня всё затекло, не могу больше! Сделай что-нибудь!

ДЭН. Ты когда-нибудь была в заложниках?

ВИКТОРИЯ. Дэн!

ДЭН. И я нет, а вот в КПЗ сидел. Опыта жизненного набирался.

ВИКТОРИЯ. Поздравляю. Видно твой опыт ничему тебя не научил, раз мы сидим в этом гараже

ДЭН. Это скорее склеп какой-то...

ВИКТОРИЯ. Какое право они имеют нас хватать! Ведь это же преступление. За это судят.

ДЭН. Ты случаем не дочь миллиардера? Может, за тебя выкуп попросят?

ВИКТОРИЯ. Я хочу в туалет. Я очень хочу в туалет! Ты понимаешь это?

ДЭН. Понимаю, но помочь пока не могу. Верёвка хорошая, перетирается медленно. Потерпите, мадам, вернее – фройляйн.

ВИКТОРИЯ. Зачем я с тобой попёрлась в этот дебильный клуб? Зачем?

ДЭН. Только не надо с больной головы на здоровую! Это ведь тебя в баре мужик охмурил. А я так, за компанию...

ВИКТОРИЯ. Почему ты стал их задирать?

ДЭН. А разве я не тебя защищал?

ВИКТОРИЯ. А кто тебя просил меня защищать?

ДЭН. В следующий раз не буду. Но ты же видела, как они просто в наглуго стали переть на нас. Мы заплатили деньги и почему должны уходить, если кому-то русская речь не нравится? Ты же видишь, они тут совсем очумели.

ВИКТОРИЯ. Никогда бы не подумала, что ты такой агрессивный. А всего-то и было – полстакана виски. И вообще... Что ты там орал? Помнишь?

ДЭН. А тебе не надо было всем рассказывать, кто мы такие и зачем приехали.

ВИКТОРИЯ. Мы что, героинном торгуем? В чём проблема-то?

ДЭН. Чего ты на меня-то орёшь? Я откуда знаю, в чём проблема? Ты эти морды видела, которые нам руки крутили? Они же нацисты!

ВИКТОРИЯ. Надо было брать такси, а не переться пешком по ночному городу. Ничего бы и не было.

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. Какой-то бред! Почему нас никто не ищет?

ДЭН. А кто нас должен искать? Хорошо, если через сутки опомнятся.

ВИКТОРИЯ. Через сутки?!

ДЭН. Интересно, что они делают с моим айфоном?

ВИКТОРИЯ. Но редакция ведь ждёт от нас информацию.

ДЭН. Вот и давай информируй, выходи в эфир.

ВИКТОРИЯ. Надо же что-то делать!

ДЭН. Верхний зуб сломали, гады. А боли нет. Странно...

ВИКТОРИЯ. Кому мы помешали? Что от нас хотят? Ты можешь это как-то объяснить? Ведь парни эти, которые нас на машине нагнали, вообще-то были трезвые. Ты это заметил?

ДЭН. А может, они такие трезвые потому, что не только на колесах, но и на «колёсах» были?

ВИКТОРИЯ. Нет, не были они обдолбанными и только одного из них я видела в баре, а откуда остальные взялись? Это всё очень непонятно.

ДЭН. В своё время я два репортажа про ментов делал, так вот они мне рассказывали про тактику тех, кто людей похищает. Там всё просто: ты овца, а я баран, и за нами скоро придут, надо ждать и не дергаться. Сами всё скажут. Главное, быть в позитивном настрое.

ВИКТОРИЯ. Ты мне казался гораздо умнее. До того, как они сами скажут, я загнусь здесь от страха. Небось, сейчас плятятся на нас, недоумки!

ДЭН. Конечно, в этом сарае видеокамеры. Не смейся! И не волнуйся так. Сейчас перетру верёвку и пойдём гулять до дому.

ВИКТОРИЯ. Я не волнуюсь, я с ума схожу! Я хочу в туалет!

ДЭН. Если, конечно, они не решатся нас прикончить.

ВИКТОРИЯ. Ты идиот, Булкин? Вот что ты сейчас несёшь! Мы не в районе боевых действий, мы вообще приехали снимать мирную церемонию. Мирную!

ДЭН. Это верно. Но кто-то с этим явно не согласен. Интересно, а где сейчас наш старикан?

ВИКТОРИЯ. Ты лучше о себе подумай.

ДЭН. Вот я и думаю, он же нас прежде всех искать отправится и пастору сообщит. На него можно надеяться, он старик положительный, не то, что мы. Гляди-ка, светлей стало, утро накатило. Это хороший знак – мы дожили до рассвета. Так ведь, Виктория?

ВИКТОРИЯ (*плачет*). Дэн, я устала, я больше не могу. Сделай же что-нибудь, пожалуйста!

ДЭН. Да ладно тебе, всё рассосётся. Погляди-ка лучше вон туда. Эти уроды на двери что-то нацарапали. Видишь?

ВИКТОРИЯ. Ничего я не вижу.

ДЭН. Читай, тебе говорят! Может, в этом наше спасение.

ВИКТОРИЯ (*переводит*). «Русские, убирайтесь! Дверь заминирована. До встречи в аду. Хайль Гитлер!» Перевела. Доволен? Спасение в этом? Да?

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. Хайль Гитлер! Это шутка такая?

ДЭН. А ты немецкий точно знаешь на пять?

ПАУЗА

ДЭН. Да это тупень! Розыгрыш. На испуг берут, фашисты! Ничего они не минировали. Я же слышал, как они просто замки закрывали и всё...

ВИКТОРИЯ. Дэн, заминировано – это значит, что мы никогда отсюда не выйдем?

Дэн наконец освобождается от верёвки. Разминает руки.

ДЭН. Но почему же? Вот видишь, я уже на свободе. Сейчас развяжу тебя и расходимся по разным углам. Девочки налево, мальчики направо. А там, как говорил Пушкин, откроются новые горизонты.

ДЕВЯТАЯ КАРТИНА

У ворот замка.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я, отец, с тобой в детстве часто разговаривал. Бывало, обидят меня, убегу куда-нибудь в самый дальний угол или в каморку какую забьюсь, или под лестницу... Лестница у нас в детдоме была со стороны дровяного сарая, там пауки всякие, жуки водились, мыши, мне с ними было как-то легче, всё-таки живое шевеление... А после армии только во сне с тобой говорил. Я в армии, кстати, имя своё заново для себя открыл. До этого мне оно не очень нравилось. Служить пошёл, а там оказалось, что сидор – это мешок солдатский заплечный. Наш старшина, который всю войну прошёл, любил меня по имени называть. И ещё тебе скажу, что в кипении жизни я не часто угнетался за твоё отсутствие до пятидесяти лет. И вдруг, после развода с женой, мне твоя могила так стала нужна. И не было в этом никакой болезни. А дело в чём? Думал я про себя и додумался. Я сиротой рос. Мама, жена твоя, Анна Андреевна, в поезде разбомбленном сгорела, и тётя и бабушка там были, а я выжил. Могил ведь их нигде нет. А у сироты, как я, выходит так, что ни на земле, ни под землёй родственных людей не сыскалось. А это очень большая беда для живого человека. Дочурка, внучка твоя, стало быть, уже взрослая. И ты, выходит, настоящий дед... В Индии живёт дочка моя с тамошним мужем... Сын у них, имя какое-то сложное, на наш манер Павел получается. Так что род наш живёт, продолжается...

Появляется Томас.

ТОМАС. Доброе утро! Это вы – Сидор Иванович?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Здравствуйте! Он самый и есть.

ТОМАС. Мне звонил господин Брокман, предупредил, что вы приехали. Это несколько неожиданно, но...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Пастор сказал, что звонить кому-то будет. Стало быть, вам? А

вы русский? Вот так сюрприз!

ТОМАС. Меня зовут Томас. Я латыш. Когда-то жил в Риге.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Так это почти Россия. Чисто говорите.

ТОМАС. Служебная необходимость. Я работаю управляющим в компании, которой теперь принадлежит эта недвижимость.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ох ты как! Молодцы! А я признаться волновался: что за хозяева, да как отнесутся ко мне... Стало быть русские теперь при таких деньгах, что у немцев всё, что хочешь, могут купить?

ТОМАС. Возможно... Давайте сразу перейдем к делу.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я с удовольствием, только мне нужно ребят дождаться. Они наказали без них ничего не писать. Писать – это значит снимать. Ну, телевизионщики ведь так говорят. А пастор пошёл за ними в гостиницу, потому что...

ТОМАС. Стоп! Стоп! Вы хотите сказать, что с вами прибыли журналисты?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Вот именно. Только кто с кем прибыл – вопрос. Это ведь они мне и билеты купили, и гостиницу оплатили. Передачу пишут для телевидения о моей поездке.

ТОМАС. Вот как! Это очень интересно. И где же они сейчас?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Как будто потерялись. Вчера пошли на дискотеку в ночь. А я сегодня сижу с утра жду. Пастор меня сюда проводил, договорились здесь встретиться всем вместе. Может, мы не в урочный час?

ТОМАС. Всё о,кей! Молодые ребята – загуляли. Найдутся, не стоит волноваться. Они сами вам не звонили, ни о чём не говорили?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Нет. Со вчерашнего дня молчат. Я в гостинице для них оставил записку под дверь. А здесь телефон Дэна записан. Сам-то звонить не могу, у меня теперь деньги все вышли.

ТОМАС. Дэна? Он что, иностранец?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Нет, это они по-модному так себе имена переименовывают.

ТОМАС. Не волнуйтесь, я свяжусь с вашими друзьями. Это даже лучше, что сейчас их нет, так мы быстрее договоримся. Верно?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ещё бы! А хорошо ведь это, что наши люди при таких здесь богатствах! Этим даже гордиться можно. Ведь так?

ТОМАС. Насколько я понял из разговора с пастором, у вас есть подозрение, что на территории замка похоронен ваш отец. Верно?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Нет у меня никаких подозрений. А все сомнения мои уважаемый пастор уже развеял: здесь мой батька лежит. Я-то сколько лет выяснял про него по разным инстанциям и много чего узнал. И всё, что узнал, всё тут и сошлось: и что воевал он в этих местах, и что погиб в марте сорок пятого, и...

ТОМАС. Ясно, но хотел бы сказать, что в истории всегда много легенд...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Про легенды не знаю, а что на фляжке, которую пастор нашел у женщины местной, имя и фамилия моего отца указана — так это факт.

ТОМАС. Сегодня есть много цивилизованных механизмов установления истины в последней инстанции: эксгумация, генетическая экспертиза и так далее... Ну вы понимаете, о чём я?

СИДОР ИВАНОВИЧ. А зачем всё это, если сердце-то моё чует, что здесь он лежит?

ТОМАС. Сразу же всплывает немаловажный вопрос, кто будет этим заниматься? И кто будет за это платить? Но дело не только в этом...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Извините, как вас по отчеству?

ТОМАС. У меня сложное отчество, можно просто Томас.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Томас, дорогой, мне ведь ничего не надо. Это, как говорится, последний поклон мой...

ТОМАС. Разумеется, каждый имеет право... Но я лишь представляю интересы хозяев этого замка. Новый владелец недвижимости не заинтересован в пиаре.

Особенно сейчас, когда Европа так озлоблена на русских.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Что-то я понять не могу. Пиар? Так он сам-то русский человек или нет?

ТОМАС. Это не имеет особого значения. И я уже вам говорил, что замком владеет фирма.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А я-то подумал, что земляк... А раз русский то и...

ТОМАС. Наша фирма покупает и продаёт полезные ископаемые по всему миру, в том числе в России, где есть часть нашего бизнеса. Вот и вся связь. Мы не афишируем национальность наших хозяев.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ты мне, Томас, главное скажи: русский ваш хозяин или ещё какой, но ведь он должен мне разрешить могилу отцовскую посещать? Ведь так?

ТОМАС. Разумеется, мы всё уладим. Важно договориться о формате мероприятий

СИДОР ИВАНОВИЧ. Чего?

ТОМАС. Давайте спокойно обсудим все обстоятельства за чашкой кофе.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А мы разве в замок-то не пойдём?

ТОМАС. Непременно пойдём, но позже. Прямо на соседней улочке варят отличный кофе, я вас угощаю.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А как же ребята? А пастор?

ТОМАС. Не волнуйтесь, у нас всё под контролем, в нужный момент все будут на отведённых им местах.

ДЕСЯТАЯ КАРТИНА

В замке.

МИШКА. Что теперь нам с этой немчурой делать? Свалились на нашу голову! Ещё и старушенция злобная, как баба-яга.

ИВАН. Ты по-немецки сообразишь им сказать?

МИШКА. Можно попробовать.

ИВАН. Тогда давай растолкуй им, что до утра будут в этом подвале вместе с нами.

Кто знает, чего у них на уме. Да и шансов живыми остаться у них больше будет.

МИШКА. Увидели, что свои наступают, вот и вылезли встречать...

ПАУЗА

МИШКА. *Sie müssen hier uns bleiben.*

МУЖЧИНА. *Meine Mutter ist krank, sie hat Asthma. Bitte, lassen sie uns gehen. Wir wissen daß die deutschen Soldaten hie überall sind, aber wir werden sie nicht verraten.*

МИШКА. Зер-гут! Зер-гут! Они всё поняли.

ИВАН. Было бы зер-гут, если б не было капут. Спроси, есть ли ещё кто в этом замке?

МИШКА. *Sind Sie alleine hier?*

МУЖЧИНА. *Ja, die anderen sind alle geflohen. Hier in diesem koffer sind unsere Wertsachen, die sind für Sie, wenn Sie uns gehenlassen.*

ИВАН. Чего он лопочет?

МИШКА. Говорит одни остались. Чемодан вот хочет нам свой подарить.

ИВАН. Пошёл он к чёрту со своим барахлом! Красная армия народ не грабит и не убивает, как их тварюга Гитлер. А чемодан проверь на всякий случай.

МИШКА. Мужик хромой и потому, наверное, не на фронте.

ИВАН. Спроси, кто он такой?

МИШКА. Это я не знаю, как перевести, но попробую. *Was sind sie für einer euer? Arbeiter? Arbeiter?*

МУЖЧИНА. *Bildhauer.*

МИШКА. Не понимает он.

ИВАН. Переводчик из тебя, как из меня коза.

МУЖЧИНА. *Ich bin Bildhauer. Das ist mein Haus. Oder das, was von ihm noch übrig ist, dank Hitler. Dieser mein bilder.*

Мишка вскрывает немецкий чемодан.

МИШКА. Ложки серебряные здесь и картинки. Вот, посмотрите, товарищ сержант, женщина голая. И ещё одна и ещё... Сколько же их здесь! Давайте возьмём на память, мужики в роте обрадуются.

ИВАН. Я тебе возьму.

МИШКА. Ага! Я понял: этот хромой - художник. Вы художник? Ведь так? Это ваши картины? *Maler?*

МУЖЧИНА. *Ja! Ich bin Maler und Bildhauer. Das sind meine Arbeiten. Glauben Sie uns, wir hassten den Krieg von Anfang an wir waren immer dagegen.*

МИШКА. Вот. Я его расшифровал. Художник!

ЖЕНЩИНА. *Engel, ich habe noch die goldenen Uhr, Ohrringe und fünfzig Mark. Genau ein Fünzigmarkschein. Nimm alles und gib es diesen Barbaren.*

МУЖЧИНА. *Misch dich nicht ein, Mutter, die wollen uns nicht umbringen, die wollen nichts von uns.*

МИШКА. Вот, опять пытаются нас подкупить. А баба-яга обзывается.

ЖЕНЩИНА. *Die sollen uns gehen lassen. Engel, ich krieg keine Luft, ich muß etwas trinken.*

ИВАН. Если они хозяйева, то плохо гостей встречают.

МИШКА. А мужика-то, слышали, Энгелем зовут. Чудно.

ИВАН. У тебя вода осталась?

МИШКА. Есть ещё.

ИВАН. Угости мамашу, может, лаять перестанет. И харчей им подкинь.

Мишка достаёт из мешка кружку, фляжку, сухари и банку консервов.

МУЖЧИНА. *Danke. Meine Mutter muß viel trinken, deshalb.*

МИШКА. Ешьте-пейте, немчура!

ПАУЗА

МИШКА. Слышите, товарищ сержант. Тишина. Совсем стрелять перестали. Значит, сейчас окрестности прочёсывать начнут.

ИВАН. Стемнеет скоро, а в темноте они ничего чесать не будут. И в этом счастье наше, но ухо надо держать востро. А теперь слушай приказ. Быстро дуй на башню. Посчитай где какие танки встали. Расстояния примерные прикинь от реки и от замка. И пушки и миномёты — всё учесть надо. Всё, что увидишь, пересчитай и не раз. Хорошо бы план на бумаге набросать. Исполняй.

МИШКА. Есть произвести разведку. А вы как же? Давайте я художника свяжу.

ИВАН. Оставь их в покое. Они и так перепуганы до смерти.

Мишка уходит. Иван настраивает рацию.

ИВАН. Восьмой, восьмой, я Камень! Приём. Восьмой я Камень. Приём! Восьмой! Восьмой! Чёрта с два! (*Пытается разобрать рацию*).

ПАУЗА

ИВАН. (*Обращаясь к немцу, показывает на старуху*). Мутер?

МУЖЧИНА. *Ja, meine Mutter.*

ИВАН. Строгая у тебя мамаша.

ЖЕНЩИНА. *Warum lassen die uns nicht gehen?*

МУЖЧИНА. *Reg dich nicht auf, Mama!*

ИВАН. А моя маманя умерла в тридцать девятом, как раз перед Финской войной. А твоя хоть больная, но живая и это хорошо. Гуд! Живая мутер - это гуд.

МУЖЧИНА. *Ja...*

ЖЕНЩИНА. *Ich hab keine Angst vor Kommunisten!*

ИВАН. В коммунисты меня записала? Правильно. Но я просто солдат.

МУЖЧИНА. *Ich verstehe. Sie sind bloß Soldat. Und wir bloß einfache Leute. Lassen Sie uns gehen?*

ИВАН. Отпустить? Не могу, господин хороший. Ежели отпущу сейчас, то кого-нибудь из нас точно в расход пустят. Потерпи до утра.

МУЖЧИНА. *Aber wir sind keine Soldaten. Ich muß meine Mutter zum Arzt, bringen. Doktor!*

ИВАН. Доктор? Да где же ты его найдёшь? А чего вы раньше не удрали? Небось думали, не придём мы никогда? А вон оно как всё повернулось... И зачем вообще вам до Берлина-то бежать? Там мясорубка будет. Туда все русские пушки лупить примутся так, что живого места от звериного логова не останется. Ферштейн?

МУЖЧИНА. *Ja...*

ИВАН. Ну, вот и договорились.

ЖЕНЩИНА. *Was sagt er?*

МУЖЧИНА. *Er sagt, völlig sinnlos eine Armee hinterherzurennen, die schon nicht mehr existiert.*

ИВАН. Армии вашей конец. Возьмём Берлин – и ад кончится. И будете царствовать по-прежнему в своих хоромах. Концлагерей делать никто здесь не будет. Даже если штаб оборудуют, то это ненадолго. Нам бы Гитлера придушить - и до дому. Знаешь, как я домой хочу, фриц? А там и победа, и мир на всей земле на вечные времена, и будем мы друг к другу в гости ездить на рыбалку. У вас ведь тут речка под носом. И будешь ты жить, художник, со своей мамашей ещё лучше. Это я тебе обещаю. Нам чужой земли не надо. Ферштейн?

МУЖЧИНА. *(кивает)*

ИВАН. Пусть мамаша твоя поест, и сам ешь. До утра ещё далеко. А утром, как говориться, по росе отпущу я тебя с твоей мамкой доктора искать.

МУЖЧИНА. *Danke!*

ИВАН. Чего?

МУЖЧИНА. *Viller danke!*

ИВАН. А-а... Данке, говоришь? Это я понимаю. На здоровье!

ОДИННАДЦАЯ КАРТИНА

В подвале.

ДЭН. Странно вот так оказаться запертым в каком-то толчке посреди свободной Германии. Ну что, тебе больше не страшно?

ВИКТОРИЯ. Я дико хочу есть.

ДЭН. Это нервы. По сусекам поскреби.

ВИКТОРИЯ. Чего?

ДЭН. Колобка помнишь?

ВИКТОРИЯ. Что, от старика заразился? Не надоело дурака валять?

ДЭН. Не злись, лучше силы береги. Наверное, кроме диснеевских мультиков ничего ты, девушка, не видела в жизни хорошего.

ВИКТОРИЯ. На себя посмотри, Дэн Сяопин!

ДЭН. Между прочим, моё полное имя – Денис.

ВИКТОРИЯ. Я думаю-думаю и никак понять не могу, чего они добиваются? Чего?

ДЭН. Тебе же ясно сказано: русские — пошли вон.

ВИКТОРИЯ. Я готова! Отпустите меня, и я немедленно уберусь. Зачем эти маски-шоу устраивать? Ублюдки! И вообще, причём тут мёртвые солдаты? Ведь, получается, они из-за этого на нас напали: услышали, что я рассказывала – и заело их.

ДЭН. Мёртвые иногда покруче живых. Например, Ленин в мавзолее.

ВИКТОРИЯ. Ну, хорошо, нас они засунули сюда, но есть же местные СМИ, немецкие волонтеры, которые за могилами ухаживает, кто в сети выкладывает списки найденных солдат и военнопленных. Этот пастор со своим обществом и другие люди... Всё равно вылезут факты наружу. Ну, как это говорится... Ну...это...

ДЭН. Шила в мешке не утаишь.

ВИКТОРИЯ. Точно! Даже если сейчас мы ничего не можем снять, мы ведь вернёмся и обязательно всё расскажем. Всему миру, между прочим!

ДЭН. А это ему надо?

ВИКТОРИЯ. Надо!

ДЭН. Раструбим, конечно, если вернёмся. А если не вернёмся?

ВИКТОРИЯ. Хорош тебе сплина нагонять, Денис, твою мать!

ДЭН. А вдруг мы с тобой, как наш солдат, просто исчезнем, пропадём навсегда? И никто никогда ничего про нас не узнает. Ушли на задание и не вернулись. Вечная слава тележурналистам! Такое ведь случается. Особенно сейчас. Только представь!

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. Какой же ты идиот, Булкин! Это не смешно!

ВИКТОРИЯ. Сидор Иванович рассказывал, что его отца и в дезертиры даже записывали. Мол, никто не знает точно, что такое «пропал без вести в Германии». Типа всех предал, всех бросил, удрал к буржуям. Вот как такое в голову людям могло придти?

ДЭН. При чем тут буржуи? Придурков во все времена навалом. Но если б я в такой замес попала...

ДЭН. Так ты и попала.

ВИКТОРИЯ. Но мы же выберемся отсюда? Ведь выберемся?

ДЭН. Клянусь государственной Думой!

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. А сколько ему лет?

ДЭН. Семьдесят пять. Сидору Ивановичу в сорок пятом году пять лет было, а его отцу, когда он погиб, было двадцать пять.

ВИКТОРИЯ. И что это значит?

ДЭН. Значит, что сын отца искал семьдесят лет. Не слабо?

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. Очуметь! Я об этом не думала.

ДЭН. Кто бы меня готов был искать семьдесят лет?

ВИКТОРИЯ. Меня если только мама... А детей у меня пока нет...

ДЭН. И не будет, если сидеть, сложа руки.

ВИКТОРИЯ. Что ты предлагаешь – бетон зубами грызть?

Дэн смотрит на дверь, потом берёт обрубок трубы, примеривается, чтобы швырнуть его в дверь.

ВИКТОРИЯ. Ты что делать собираешься?

ДЭН. Проверить на вшивость немцев. В угол забирайся и голову руками прикрой.

ВИКТОРИЯ. Ты спятил, Булкин! А вдруг там действительно мина! Перестань!

ДЭН (*орёт*). Я сказал, убирайся в угол! Что непонятно?! Мне наплевать на них!

Думаешь, я их боюсь, что ли? Давайте взрывайте!

ВИКТОРИЯ. Не надо, Дэн! Я тебя умоляю! Мы погибнем!

Дэн размахивается, а потом опускает руку с трубой.

ДЭН. А ты вообще что про ту войну знаешь? Ну, так чтобы без дураков, серьёзно.

ВИКТОРИЯ. То, что бабушка рассказывала, то и знаю.

ДЭН. И что она рассказывала?

ВИКТОРИЯ. Что наш прадед воевал. Был, кажется, в Австрии. А прабабушка работала на заводе. Кажется, делала бомбы. Кстати, это она мне имя подобрала такое.

ДЭН. Кажется... Кажется... А в Штатах ты что делала?

ВИКТОРИЯ. Ну, училась. А что, не имею право? Или ты патриот с большой буквы?

ДЭН. Типа того. А зачем вернулась?

ВИКТОРИЯ. На тебя посмотреть хотела, в бункере этом посидеть мечтала.

ДЭН. Скажи ещё – в вашем бункере. Только он не наш! Мы сидим в самом центре Европы. В Америке, конечно, демократия покруче, но здесь тоже нормально... Да? Нормально здесь тебе? Хорошо? Нравится?

ВИКТОРИЯ. Это ты так прикалываешься, что ли? Или ты дурак?

ДЭН. Если бы поехал Володя, а не ты...

ВИКТОРИЯ. То вы бы сейчас пили водку в номере и спорили о Путине... И ничего бы этого не случилось.

ДЭН. Да! Всё было бы именно так.

ВИКТОРИЯ. Прости, Булкин, что я не вовремя вернулась на родину! Я поняла, что ты тоже боишься. Это, кстати, нормально. А вернулась я потому, что не один ты на свете русский.

ПАУЗА

ДЭН. А вот я всё про своих предков знаю. Ещё в универе генеалогическое древо нашей фамилии составил.

ВИКТОРИЯ. Молоток! Ветвистое?

ДЭН. Я серьёзно. Я всё на память помню. Хоть сейчас нарисовать могу.

Дэн ищет, чем нарисовать, и вскоре находит кусок кирпича. Рисует на стене большое дерево

ВИКТОРИЯ. Нет, ты не дурак, Булкин. Ты — зануда.

ДЭН. А знаешь, в чём главная фишка?

ВИКТОРИЯ. Конечно, знаю. Адам родил Еву, и потом пошёл ваш род Булкиных.

ДЭН. Смотри сюда. Видишь этих человеков?

ВИКТОРИЯ. Вижу.

ДЭН. Если бы на этой ветке не сидели эти люди, то меня бы не родили вот эти люди.

ВИКТОРИЯ. Очень оригинально. Бы-бы-бы-бы-бы...

ДЭН. Это значит, что жизнь моя связана с теми, кто выжил на войне. Вся эта ветка — те, кто войну пережил. А эти – не пережили. У меня бы ещё куча родни была.

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. А я деревья рисовать не умею. Не знаю, кто на каких ветках у нас там сидит. Как-то ни к чему это было знать... Хотя фамилия наша звучная. Колокольцевы мы. Двоюродные есть и братья, и сёстры. Фотографий много было у бабушки на даче. Но в прошлое лезть вообще как-то было влом. Очень хотелось уехать за границу. Повезло, по программе обмена училась. Мечтала увидеть Голливуд и так далее...

ДЭН. Ну?

ВИКТОРИЯ. Во-первых, там всё по расписанию, а во-вторых, там мужики – операторы, а женщины-операторы — тоже мужики, а я так не хочу. Я хочу быть женщиной.

ДЭН. Ну вот это понятно. Это нормально. Зато у нас ты звезда. Как раньше было: первая женщина-тракторист, первая женщина-танкист... А ты у нас – лучшая женщина-оператор. Хорошо, что теперь камеры такие маленькие, а то тебе не поднять бы их, пришлось бы в качалке целыми днями зависать. Так?

ВИКТОРИЯ. Дэн, давай что-нибудь делать. Или я сейчас о стенку головой биться начну.

ДЭН. Хорошее предложение, кстати.

ВИКТОРИЯ. Я серьёзно. Если нам по-любому отсюда не вылезти, то давай хоть кипишь тут наведём этим придуркам. Решётку разберём, ну я не знаю! Что-нибудь!

ДЭН. Хочешь сказать, помирать – так с музыкой?

ВИКТОРИЯ. Вот именно!

ДЭН. Тогда ложись!

Дэн размахивается и кидает трубу в дверь со всей силы.

ДВЕНАДЦАТАЯ КАРТИНА

Терраса замка.

ТОМАС. Понимаю нервное состояние Бориса Михайловича, но лично я не вижу особых причин для беспокойства.

ИАНА. Первые гости должны прибыть к нам через два дня. Ремонт во внутреннем дворе должен быть закончен, как и всё остальное. А тут ещё эта могила! И ты думаешь, что нам нужно сохранять олимпийское спокойствие? Ты приди в себя, Томас! Нам очень нравится этот замок. Покупка вполне себе сносная. Но, совершая её, ты должен был предусмотреть все детали. Ты получаешь за это очень приличную зарплату. И, между прочим, в евро.

ТОМАС. Диана Мироновна, всё было прозрачно. Немцы заверяли меня, что всё прекрасно. Но, как оказалось, они выступили посредниками, а сами хозяева давно живут в другой стране, и им на всё плевать, получили деньги и счастливы.

Посредники понятия не имели, что под башней похоронен красноармеец. Подумайте сами: там просто большой белый крест, а сверху небольшая красная звезда. Что это по-вашему?

ИАНА. Я тебя умоляю, Томас! Не говори ерунды. Что такое красная звезда – знают абсолютно все в Европе. Пока ещё не забыли. А на фоне последних событий — особенно. Особенно!

ТОМАС. По плану мы должны были перебрать всю брусчатку во дворе. Как вариант, можно поменять серую сегодняшнюю на красную, и тогда вообще ничего видно не будет – одно сольётся с другим.

ИАНА. Чудная мысль! Устроить в центре Европы маленькую Красную площадь с

могилой неизвестного солдата посередине. Ты что, издеваешься над нами?!

ТОМАС. Извините, я не подумал... Конечно, вы правы, это будет явным перебором.

ИАНА. Не дай бог что-то просочится в российскую прессу! Не дай бог! Начнут копать, что да как, кто владелец, чьи деньги – и пошло-поехало. Понимаешь? Боре именно сейчас не нужны никакие проблемы. Знаешь сам как на нас косо глядят. А депутатов так нынче шерстят, что...

ТОМАС. Эти беспокойства излишни. Недвижимость оформлена на юридическое лицо.

ИАНА. Если ищейки захотят, они нащупают нас и на Каймановых островах.

ТОМАС. Это маловероятно. Кроме того, у меня есть план, как решить эту проблему. Он парадоксален и прост.

ИАНА. Я опять нервничаю! И опять из-за тебя. Выкладывай, но сначала налей мне виски.

ПАУЗА

ТОМАС (*подаёт хозяйке виски*). Я не знал этого, но мне доложили, что местный священник, который занимается общественной деятельностью, ещё до совершения сделки бывал в замке, разнюхивал здесь по поводу безымянной могилы и, похоже, ему удалось выяснить имя погибшего солдата.

ИАНА. И ты молчал?!

ТОМАС. Я же говорю, мне недавно доложили. А вчера нежданно-негаданно явился старик. Ваш соотечественник.

ИАНА. О, господи!

ТОМАС. Его пригласил этот безумный пастор Гюнтер Брокман. Старик называет себя сыном солдата, который якобы похоронен под той красной звездой.

ИАНА. Ты бредишь, Томас! Какой сын? Чей сын? Эта война была сто лет назад. Ты спятил?

ТОМАС. Ну почему же сто?

ИАНА. А я тебе говорю, что это обычные мошенники, которые притазились и сюда, чтобы опять с бедного Бори сосать деньги, которые, между прочим, он наживает потом и кровью. Но я им этого сделать не позволю! Я не допускала этого там, в Азии, не допущу и в Европе. Это понятно?

ТОМАС. Диана Мироновна, вы не дослушали меня.

ИАНА. Я тебе сколько раз говорила: не называть меня по отчеству! Я ведь тебе говорила?

ТОМАС. Да. Я понял. Диана, вы меня не дослушали.

ИАНА. Вот народ, а! Ведь ни одна собака вроде знать не должна, что мы здесь приобрели, а нет! Уже пронюхали, землячки, уже понабежали!

ТОМАС. Давайте успокоимся. Возможно, что человек, который здесь был, является родственником неизвестного солдата. Ничего особенного. Он приехал поклониться могиле отца, как он говорит. В этом ничего страшного нет. И потом видно, что он простой человек и очень бедный. Говорит, у него даже нет денег на обратную дорогу...

ИАНА. Вот! Деньги! Я же говорю тебе — мошенники.

ТОМАС. Он стар. И скорее всего, это его последний визит в дальние страны.

ИАНА. То есть ты предлагаешь запустить его сюда, озолотить и подарить обратный билет на самолёт?

ТОМАС. Ну, не совсем так...

ИАНА. А в чём парадокс-то?

ТОМАС. Не ссориться, а договориться.

ИАНА. Опять я должна откупаться! Когда же это закончится? Ты хоть выяснил, как его зовут?

ТОМАС. Кого?

ИАНА. Томас!

ТОМАС. Старика зовут Сидор Иванович Коргуев.

ИАНА. Что это за фамилия такая? Из какого он города?

ТОМАС. Город Кемь, улица Кирова дом пять, квартира один.

ИАНА. Предчувствие у меня плохое... И виски дряннь. И всё, что ты делаешь в последнее время, Томас, никуда не годится. И вообще, мне кажется, что ты что-то не договариваешь.

ПАУЗА

ИАНА. Ну?

ТОМАС. С ним приехали русские журналисты.

ИАНА. Да ты что несёшь-то?!

ТОМАС. Я не хотел говорить сразу.... И вы меня всё время прерываете.

ИАНА. Говори же!

ТОМАС. Пастор заранее звонил риэлторам, а те соответственно предупредили меня. Мы всегда делаем упреждающие шаги, зная, что любит и чего не любит Борис Михайлович. Он и его гости не должны испытывать никаких неудобств во время пребывания в Германии.

ИАНА. Короче!

ТОМАС. С момента прилёта этой группы наша служба безопасности держит ситуацию под контролем. Мы смогли на время нейтрализовать журналистов, а теперь нам надо тихо и мирно договориться со стариком и отправить его восвояси. А далее на частную территорию вы вправе вообще никого не пускать. Вы и старика можете не пускать, но чёрт его знает, что он потом может сделать: пойдёт в консульство, в полицию... А на фоне патриотических настроений на вашей прекрасной родине...

ИАНА. Вот именно, Томас! Вот именно. Смотри, можем так вляпаться – мало не покажется. Вот тебе и замок любви, вот тебе и тихая старость! Черт побери!

ТОМАС. Диана, я обещаю, что новой русско-немецкой войны не будет. Мы всё уладим мирно. После визита Бориса Михайловича подумаем о перезахоронении останков, если они там есть. Тоже тихо и мирно... и так далее... Мы же не варвары в конце концов.

ИАНА. Это ты правильно сказал. И кости журналистам ломать не будем как в прошлый раз. Ведь так?

ТОМАС. Это вопрос не ко мне, а к вашей охране.

ИАНА. Всё! Я надеюсь, ты меня услышал.

ТОМАС. Нам повезло, эти журналисты – совсем зелёные ребята. Посидят немножко под замком, наделают в штаны и удерут обратно. Моё личное наблюдение: ваша нынешняя российская молодёжь не столь смела, как...

ИАНА. Как мы? Это комплимент, что ли? Или ты намекаешь на мой возраст?

ТОМАС. Диана Мироновна... Диана! Ваш шарм не сравнится ни с чем. Вы прекрасны и обворожительны.

ИАНА. Ладно, работай. Вечером доложишь. А я позвоню Боре. И притащи сюда пастора, я с ним сама поговорю. Он ведь тоже может глупостей наделать.

ТОМАС. Позвоню прямо сейчас.

ИАНА. В крайнем случае запустим старика завтра утром. Всех наших на это время убрать подальше, чтобы никто ничего не видел. И никаких фотографий, никаких репортёров.

ТОМАС. Сделаем.

ИАНА. А что, этот старик, он действительно может быть сыном того солдата?

ТОМАС. Теоретически – да.

ИАНА. А так вообще бывает? По годам-то складывается?

ТОМАС. Теоретически...
ДИАНА. Теоретик хренов!

ТРИНАДЦАТАЯ КАРТИНА

В замке. Иван рассматривает план, который составил Мишка.

МИШКА. До наших отсюда рукой подать. С башни фрицы у нас как на ладони. Эх, лупануть бы по ним сейчас!

ИВАН. Танки где?

МИШКА. Вот тут, справа, в низине притаились. Только их не восемь, а уже двадцать. И ещё вроде ползут и ползут. Силища огромная.

ИВАН. Вот так сказка, вот так быль... Значит, они, гады, бой начнут в этом самом месте с утра.

МИШКА. На правом фланге вроде только пехота, но там домов много, не видно. А на левом миномёты подтащили.

ИВАН. Молодец. Благодарность тебе объявляю.

МИШКА. Служу Советскому Союзу!

ИВАН. Отсюда вряд ли будут наши удара ждать...

МИШКА. Так мы предупредить должны.

ИВАН. И рад бы в рай, да в аккумуляторе дырка... Не фурычит наш аппарат, Мишка.

МИШКА. А может, разведка уже всё знает про эти танки?

ИВАН. Не сработать ей так быстро. Полдня бой был встречный. А Петруничев со своими ребятами у речки лежит...

МИШКА. Так что же делать-то?

ИВАН. Не знаю, но до рассвета должны мы своим всю картину маслом расписать, а иначе тут такой винегрет будет, что и чертям не снилось.

МИШКА. Давайте я рацию сам почию, у меня же получалось раньше.

ПАУЗА

Во время их разговора немец издала наблюдает за ними. Потом подходит ближе, внимательно рассматривает рацию.

МИШКА. Эй, фриц, иди-ка на своё место!

ИВАН. Интересуется. Помочь видать хочет.

МИШКА. Что он в технике нашей понять может?

МУЖЧИНА. *Ich kann helfen.*

ИВАН. А ну иди ближе, художник.

МИШКА. Как же ему доверять можно, товарищ сержант? Он же враг. Это же военное имущество. А он специально всё ломает.

МУЖЧИНА. *Ich kann helfen.*

ИВАН. Пуля-то немецкая. Вот пусть и починаят. А на врага он похож мало. Ну давай, Энгель, помогай! Отработай за весь немецкий народ.

ЖЕНЩИНА. *Tun sie esnicht! Sie sind feinde Deutshlands!*

МИШКА. Молчи ты, бабка-ёжка! За что они нас так ненавидят?

ИВАН. Ничего. Это пройдёт. Лет через сто, вот увидишь.

МИШКА. Они бы нас шлёпнули – и дело с концом. А мы тут с ними возимся.

ИВАН. Если рация и заработает, то это тебе не телефон. Быстро нас нащупают.

МИШКА. Отсюда до передовой совсем близко. С башни я дорогу высмотрел подробно очень. А память у меня такая, что даже с закрытыми глазами пройду хоть

днем, хоть ночью. Сейчас совсем стемнеет, и надо идти. Где перебежками, а где ползком. Часа за четыре точно доберёмся. А этих привяжем здесь покрепче, чтоб они нас не выдали раньше времени.

ИВАН. Твой план пригож, да всё ж один пойдёшь.

МИШКА. Почему это один?

ИВАН. Всю амуницию лишнюю снять, чтоб на тебе ничего не брякало. К автомату диск запасной возьми и гранату. Борисову всю обстановку доложишь, а Борисова не будет – к ротному беги, а они уже там дальше по команде доложат. Если нарвёшься на немцев в темноте, ни в коем случае от домов не отрывайся. По кустам, вдоль заборов, по канавам уходи, на середину улиц не лезь, иначе как зайца подстрелят в два приёма. Ясно?

МИШКА. Так точно. А как же вы?

ИВАН. Я, конечно, верю, что ты дойдёшь, но ведь нам надо в любом случае своих предупредить. Согласен?

МИШКА. Конечно, согласен.

ИВАН. С такой ногой я не большой ходок, видишь, как разнесло? Так что ты там геройствуй, а я здесь колдовать буду.

МИШКА. Вы всё-таки надеетесь рацию починить, да? Чтобы два варианта было?

ИВАН. Вот-вот... Говорю же: быть тебе генералом. Присядь, посидим чуток, сигарку скурим.

МИШКА. А я же не курю.

ИВАН. Это правильно. Пусть вместо тебя смерть курит.

ПАУЗА

ИВАН. Обстоятельный ты парень. Вот вырастет мой сынок – таким же будет...

МИШКА. Товарищ сержант...

ИВАН. Чего тебе?

МИШКА. А вам сколько лет?

ИВАН. Двадцать пять. А ты думал, что я старик, что ли?

МИШКА. Нет... Просто у вас волосы все седые.

ИВАН. У седых волос две причины: растут они от мудрости или от дурачины. Вот и думай теперь: дурак я или как?

ПАУЗА

МИШКА. Вы всё шутите...

ИВАН. Ты же комсомолец, Миша?

МИШКА. Разумеется.

ИВАН. А комсомольцы вроде не должны бояться.

МИШКА. Не волнуйтесь, я доберусь...

ИВАН. Ты, парень, не хвались отъездом, а хвались приездом.

МИШКА. Вы мне ещё что-нибудь весёлое скажите, и я пойду.

ИВАН. Сказку, что ли?

МИШКА. А хоть бы...

ИВАН. Ну вот тебе, парень, не сказка, а присказка. Проели Гитлеру гниды всю его собачью шкуру, спасу никакого нет. Решил он в русской бане полечиться. В прифронтовой полосе под колючкой змеёй прополз и к бане, а там бабский день. Проглотил Адольф усы, шайками срам прикрыл и в парную влез. Лег на полоч мордой вниз, да забыл, что на заднице-то у него наколка!

МИШКА. Наколка? Какая?

ИВАН. Козел!

МИШКА. Ха! Точно ведь! Точно! Как точно! Вот это да... А дальше-то что?

ИВАН. Это ж, Мишка, присказка. Вот свидимся – и будет тебе сказка. Пора. Вперёд, гвардии рядовой!

Мишка уходит. Иван наблюдает за работой немца, который со страхом поглядывает на Ивана.

ИВАН. Эй, немец! Энгель! Ты песню какую-нибудь знаешь? Сонг? Песню.

МУЖЧИНА. *Sing ein lied? Jetzt?! Aber warum?*

ИВАН. Петь – значит жить. Мы же с тобой жить собираемся, верно?

ЖЕНЩИНА. Oh, mein Gott!

МУЖЧИНА *(он явно обескуражен)*. *Aber ich weis nicht sie singen...*

ИВАН. Ладно, тогда я начну, пока у нас передышка, а ты вторым номером будешь.

Иван тихонько начинает петь песню «Не вейтесь, чайки, над морем...»

ВТОРОЙ АКТ

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ КАРТИНА

Офис телевизионной студии

Г.Б. И куда же запропастились эти два молодых дарования?

МУЖЧИНА. Почти сутки как с ними утеряна связь. Но мы уже вышли на контакт с отелем. Вчера ребята прибыли в город, устроились в гостинице и...

Г.Б. И что?

МУЖЧИНА. И всё...

Г.Б. А этот наш герой, старик этот, как его...

МУЖЧИНА. Сидор Иванович... Тоже разместился в гостинице. Сегодня утром его видели выходящим на улицу.

Г.Б. Прекрасно! Так позвоните ему.

МУЖЧИНА. Его телефон отключен. Видимо, нет денег.

Г.Б. Так киньте денег на его номер.

МУЖЧИНА. Хорошо, кинем.

Г.Б. А мог наш Булкин загулять? Запить?

МУЖЧИНА. Не водилось этого за ним.

Г.Б. А Виктория распрекрасная? Она на что способна?

МУЖЧИНА. Вика не подарок, но до сих пор никуда не пропадала.

Г.Б. У нас завтра должен быть эфир. Они стоят в программе. Это понятно?

МУЖЧИНА. Естественно.

Г.Б. Достаньте мне их хоть из-под земли! Звоните немцам, в полицию, в зоопарк, но найдите. Не на войну же мы их послали, в конце концов. Теперь как никогда нам чертовски важен этот сюжет и эта история.

Галина Борисовна уходит. Мужчина достаёт мобильник, набирает номер, слушает.

МУЖЧИНА. Мама, привет, как дела? Ага, ясно. Не болеешь? Молодец! Хотел у тебя спросить, а кто из твоих коллег немецких в прессе до сих пор работает? Да? Это же прекрасно. Мне бы важно с ним поговорить. Сейчас приеду и всё объясню. Целую.

ПЯТНАДЦАТАЯ КАРТИНА

Иван Корзун в прежней своей военной форме, но только теперь цвет у неё абсолютно белый. И все детали одежды, амуниции и оружия тоже белые. Чуть в глубине виднеются красивые ажурные ворота, вход в которые он охраняет.

ИВАН. Стой! Кто идет?

СМЕРТЬ. Свои.

ИВАН. Свои в окопах, а тебе – только чёрт брат.

СМЕРТЬ. Ох, притомилась я что-то. Покурить бы... Дай покурить, вахта.

ИВАН. Сказано ведь было, что Смерти солдатского табачку не видать.

СМЕРТЬ. Не зарекайся, служивый.

ИВАН. Что, пришла сказать, когда срок мой выйдет пост сдавать?

СМЕРТЬ. И кто тебе новости носит?

ИВАН. Ворона – на голове корона.

СМЕРТЬ. Знаю я твою ворону... С проводов своих ржавых вести скребёшь.

ИВАН. На то она и связь, чтобы смерть не зажралась.

СМЕРТЬ. И что же ты такое выведаль?

ИВАН. А то, что у нас, солдат позабытых, есть привилегия – одну просьбу непременно исполнить ты должна. Так есть у меня такая привилегия или нет?

СМЕРТЬ. За то, что ты меня, пока жив был, обзывал по-всякому, тебе от меня какая может быть привилегия?

ИВАН. Да ведь это когда было? Теперь-то я тебя почитаю.

СМЕРТЬ. Дождёшься!

ИВАН. Не пугай, я и так тобой весь испуганный три с половиной раза.

СМЕРТЬ. Почему это «с половиной»?

ИВАН. Ну как же, вспоминай. Один раз – во фронт, другой раз – в тыл, третий – между ног пропустил, а половину – в сердце зарыл.

СМЕРТЬ. Ох-ох-ох! Мне ж смеяться нельзя. У меня же кости обратно не сойдутся.

ИВАН. Ты не виляй. На вопросы отвечай.

СМЕРТЬ. У меня дело ещё серьезнее. Отчёта твоего так и нет про то, кто у тебя там, на белом свете, остался?

ИВАН. Сама там бродишь, а с меня отчёт просишь?

СМЕРТЬ. Ну, вот тебе и новость тогда приспела: к безымянным в армию бессрочно будет тебе передислокация.

ИВАН. К безымянным?

СМЕРТЬ. Коли семьдесят лет не придёт на могилу никто и не назовут солдата по имени и фамилии, и выкупа не принесут, то зачислен он должен быть в безымянные совсем. И дело с концом. Так у нас прописано.

ИВАН. А почему же семьдесят-то?

СМЕРТЬ. А я почём знаю? Инструкция.

ИВАН. К чёрту твою инструкцию! Говорил тебе, что сын у меня есть.

СМЕРТЬ. И что?

ИВАН. Жду я его. Он жив ещё, жив! Ведь жив?

СМЕРТЬ. Этого я не ведаю. Я только по делам военным, у меня вся солдатская канцелярия точная.

ИВАН. А кто же с остальными справляется?

СМЕРТЬ. Сестра моя.

ИВАН. Уж ты врать горазда! Брешешь – прямо как я на фронте.

СМЕРТЬ. Тебя-то не переплюнешь. Сестра у меня есть, двойняшка! По гражданским делам она ходит. В общем, на этом посту у тебя ещё три дня да три ночи только и осталось. И будет тебе потом передислокация.

ИВАН. Пстой! Я же не насмехаюсь. Я к тебе надлежащее уважение имею, раз тебя сам Бог опекает. Ты сестру свою спроси про сына моего. Про Сидора узнай!

СМЕРТЬ. Не положено.

ИВАН. Ну хочешь, я тебе спляшу?

СМЕРТЬ. Тряски не терплю.

ИВАН. Песней я скуку твою развеять могу.

СМЕРТЬ. Ишь ты!

ИВАН. Очень тебя прошу... За табачок сговориться можем.

СМЕРТЬ. Это дело не простое, ты сам всё про смертельный солдатский устав знать должен. Срок вышел – и дело с концом.

ИВАН. Тут же связь наладить в два приёма можно.

СМЕРТЬ. Чего-чего? Какую связь? С кем связь-то?

ИВАН. Ищет он меня, я это крепко знаю. А могила-то моя без всяких знаков опознавательных.

СМЕРТЬ. И знаки у тебя все есть.

ИВАН. Пятьсот метров севернее реки, в черте замка Марии. Ну что это за знаки?

СМЕРТЬ. Не пятьсот, а шестьсот.

ИВАН. Вот и я про это.

СМЕРТЬ. Какие есть. У немцев, к примеру, всё точно.

ИВАН. Карту захоронения небось какой-нибудь молодой делал. А что они, молодые, в этом смыслят?

СМЕРТЬ. А будто ты старый? С нашей первой встречи за семьдесят лет совсем не запылится.

ИВАН. Знаю, что сынок мой уже близко. Совсем близко. Помоги!

СМЕРТЬ. Что же я должна объявиться перед ним и за руку живого водить? Это не положено.

ИВАН. У людей живых с мёртвыми свои правила есть, между ними свои дела сделаны быть должны, по-людски это у нас называется.

СМЕРТЬ. Знаю я всё про ваши дела. Экая тайна.

ИВАН. Совесть его мучает, думает он, что я обиду на него держу за то, что могилу никак не найдёт. Избыть вину ему при жизни хочется.

СМЕРТЬ. А это зачем?

ИВАН. Не поймёшь ты! У тебя ж, костлявая, души-то нет и не было никогда! Зараза!

СМЕРТЬ. Вот! Ты лучше давай ругайся. Я люблю, когда солдат злой.

ИВАН. Так сговоримся мы или нет, проклятая? Весь кисет получишь, хоть закуришь тогда!

СМЕРТЬ. Это верно, что просьбу одну исполнить могу. Я много чего могу...

ИВАН. Ты со мной не шути! Жизни нет при мне, а спесь осталась.

СМЕРТЬ. Какая спесь?

ИВАН. Моя спесь – сейчас тебе на шею влезть!

СМЕРТЬ. Ладно, не буянь. Про меня что-нибудь сочини. И со слезой, ведь у меня сегодня выходной.

ИВАН. Со слезой. Всё у тебя одно и то же.

СМЕРТЬ. Это дело не твоё. Пой, что мне по нраву, иначе не буду я стараться.

ИВАН. Ладно, только чтобы без обмана! А сестра у тебя в самом деле имеется или как?

СМЕРТЬ. Это у тебя «или как». А у меня-то родня имеется.

ШЕСТНАДЦАТАЯ КАРТИНА

На небольшом подиуме установлен микрофон. Рядом с пастором стоят Мужчина и

Женщина. Чуть в стороне на стуле сидит Сидор Иванович. Перед ним на полу лежат пакеты с гуманитарной помощью.

МУЖЧИНА. Я не сторонник войны, я пацифист. Я собрал все самые крепкие старые вещи и жертвую их этому господину, который приехал из России, чтобы посмотреть на могилу своего отца. Bravo ему! Я бы на такое вряд ли решился, особенно в наше беспокойное время. Ведь подобный шаг сегодня походит на политическое шоу или провокацию. А политика – удел молодых.

ЖЕНЩИНА. Наш канцлер тоже не молодая девушка. Но посмотрите, как она бьётся за справедливость для немцев. Она тверда, как сталь.

ПАСТОР. Сегодня нам бы не хотелось касаться политических вопросов...

МУЖЧИНА. Правильно! Забудем о санкциях. *(Демонстрирует.)* Это очень хорошая шуба. В ней жарко даже зимой. Она пошита из немецких волков. Ха-ха! Чувствуете, как это символично?

ПАСТОР. Вообще-то мы в этот раз не объявляли о гуманитарной акции для нашего гостя.

МУЖЧИНА. Это никогда не помешает. К тому же господин русский – пенсионер, и наверняка, беден и нуждается. Пресса об этом часто пишет.

ПАСТОР. Сидор Иванович здесь с другой целью.

МУЖЧИНА. Я знаю, зачем он приехал. В этом же мешке, кстати, есть крепкие ботинки. У него своя цель, а у меня своя.

ПАСТОР. Спасибо. Вы просили дать вам слово, фрау Хильтман?

ЖЕНЩИНА. Да. Мой муж хочет быть похожим на миллионеров, которые легко бросают тысячи евро для спасения африканцев от нищеты. Но отчего сегодня он так щедр? Потому что один русский стоит сотни африканцев, ведь это русские угробили фашизм.

ПАСТОР. Ещё раз призываю всех вести наш разговор в русле дружеской встречи.

ЖЕНЩИНА. Конечно, я за мир! Я читала несколько лет назад такую странную книгу, где было написано очень много о зверствах нацистов на территории России.

Поначалу я в это совсем не верила. Но потом увидела лица тех женщин, чьи рассказы были изложены в книге. И я поняла, что всё это — чистая правда. У них всё было написано в глазах. А сегодня я хочу пожертвовать пятьдесят евро. Здесь деньги одной бумажкой. Пусть моему примеру последуют те, кто не боится сочувствовать русским.

ПАСТОР. Но ваш супруг уже передал много вещей.

ЖЕНЩИНА. У нас с ним разная бухгалтерия.

МУЖЧИНА. Совсем забыл! Там ещё и удочка есть. Я когда-то любил рыбалку. Но у нас везде барьеры. А я слышал, что там, в России, в этом смысле полная свобода и, так сказать, демократия. Этой удочкой всегда можно добыть себе пропитание. Нас так учили: не давай голодному рыбу, а дай ему удочку.

ЖЕНЩИНА. Не удивляйтесь, мой муж – бывший бизнесмен. Но зачем учить старого человека жизни? Я бы давала таким, как он, политическое убежище. При всех минусах это лучше, чем наполнять нашу страну террористами с Востока.

Звучат жидкие аплодисменты.

ПАСТОР. Спасибо всем, кто счёл нужным оказать личное содействие нашему гостю. Хочу напомнить, что Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями несёт все расходы по обеспечению работ по сохранению российских воинских могил. И ныне наш союз имеет полтора миллиона членов и спонсоров. Русские люди не забывают своих дедов и отцов, погибших в войне с нацизмом. В наши дни они, так же как и мы, участвуют в уходе за могилами немецких солдат, пришедших к ним с

мечом, и не препятствуют родственникам, погребенных в российской земле, посещать эти места. Сейчас много лжи. Но это – правда, которую мы не должны скрывать... А теперь Сидор Иванович немного расскажет нам о себе и о своей семье.

Сидор Иванович занимает место у микрофона.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Спасибо вам всем! И дамы, и господа! Смотрю на вас и думку думаю. Вот приехал я в ваш красивый город, где когда-то погиб отец, а в зале сидят сыновья и внуки тех, с кем он бился до последней минуты. И будто бы всё быльём поросло... Но не поросло. Есть в сердце по-прежнему горечь... Изжить её пора. А что же нас примирить-то крепко сможет? Вожди наши не могут. Депутатам не под силу. А солдаты?.. Нет, не те, что нынче на манёврах по картонным танкам палят. А те солдаты, которые в чужой земле лежат? Лежат и стонут. У нас так говорят: и кости по родине плачут. У кого сердце есть, тот их обязательно услышит. Их ведь много, целые армии и миллионы душ. А за ними семьи. Ещё больше миллионов получается. То есть нас с вами...

ПАУЗА

СИДОР ИВАНОВИЧ. Историю я одну припомнил из книжки военной. Худенькая, маленького роста женщина о войне вспоминала. Медсестрой она была. И тащила однажды с поля боя двух раненых под шквальным огнём. Одного протащит – оставит. Потом другого... Изю всех женских силёнок. И бросить не могла, потому что очень тяжело они были ранены, их нельзя было оставить, истекали они кровью. И вот когда она подальше от боя отползла, увидела, что один солдат русский, а другой-то немец.

В горячке боя где разберёшь: оба обгорелые, черные от копоти, оба стонут. Заплакала медсестра от всего этого, а потом оттащила русского бойца в лазарет и вернулась, за немцем вернулась... Зная об этом, и помня, какие у нас матери и отцы были, никак нельзя в жизни заблудиться. Даже если у тебя ничего нет, даже если одну голую картошку жуёшь.

ПАУЗА

СИДОР ИВАНОВИЧ. А рыбачить я умею, да и шуба мне не сильно нужна. Но у нас так говорят: лихо помнится, а добро вовек не забудется. В шубе вашей да с удочкой разве ж я о вас плохо вспомню?

СЕМНАДЦАТАЯ КАРТИНА

Через выломанную решётку узкого окна пленники выбираются наружу из бункера.

ДЭН. Вылезай. Только осторожно, не зацепись за арматуру.

ВИКТОРИЯ. Я вся в грязи, и нос весь пылью забит.

ДЭН. Подумаешь, нос. Главное мозги на свободе!

ВИКТОРИЯ. Ты всё-таки настоящий мужик, Дэн. Не думала, что ты такой настырный, как...

ДЭН. Как граф Монте Кристо?

ВИКТОРИЯ. Да! Кстати, эту книгу я читала!

ДЭН. Bravo!

ВИКТОРИЯ (*оглядывается*). Дэн! Это что такое? Свалка?

ДЭН. Кладбище вещей.

ВИКТОРИЯ. Просто помойка какая-то. О ужас! Кошмар!

ДЭН. Вот почему никто нас и услышать не мог.

ВИКТОРИЯ. Надо до гостиницы добраться. Срочно помыться.

ДЭН. Без телефона – как без рук. В какую сторону идти-то?

ВИКТОРИЯ. Если вещи и паспорта на месте, пакуемся и на вокзал. Цум банхоф!

ДЭН. Вокзал? Ни в коем случае! Никакого вокзала! Для начала найдём Сидора Ивановича и пастора.

ВИКТОРИЯ. А пастора-то зачем?

ДЭН. Рассказать ему всё надо. Я бы ещё и сюда с камерой вернулся.

ВИКТОРИЯ. Сюда?

ДЭН. Ты что, не понимаешь? Это всё работает на наш сюжет. И ещё как! Это очередной поворот.

ВИКТОРИЯ. Какой сюжет? Какой поворот? Мы сутки просидели в заброшенном сортире?

ДЭН. И хорошо. Об этом и расскажем.

ВИКТОРИЯ. О чём?

ДЭН. О том, как нас нацисты зафигачили сюда.

ВИКТОРИЯ. У нас нет никаких доказательств.

ДЭН. А мой выбитый зуб? А эти дурацкие тексты на дверях? Нет, ты как хочешь, а я ещё и до полиции доберусь. И это тоже может стать частью сюжета. Сама подумай, ну что там такого особенного нам снимать? Сидор Иванович стоит у могилы отца, все благодарят друг друга... А тут!

ВИКТОРИЯ. Жареного тебе хочется?

ДЭН. Это нормальный журналистский подход. Нормальный!

ВИКТОРИЯ. Дэн, я тебя прошу! Ничего делать не надо! Ни-че-го! Никакой полиции! Я всем довольна, и со мной ничего особенного не случилось. Понятно? Иначе мы так встрянем, что потом вообще никакой визы ни в какой шенген, ни в Штаты не получим никогда.

ДЭН. И что?

ВИКТОРИЯ. Ты вообще в курсе, что сейчас в мире творится и как к русским относятся? Ящик давно смотрел? Всей карьере мгновенно может придти кабздец! Ты это осознать в силах?

ДЭН. Да и хрен с ним, с шенгеном! Я после всего этого дерьма вообще на весь мир по-другому плевать буду.

ВИКТОРИЯ. Я серьезно!

ДЭН. И я тоже. Очень серьезно. Очень!

ВИКТОРИЯ. Как хочешь, но я еду домой.

ПАУЗА

ДЭН. погоди ты! Давай так. Понимаю, что ты в стрессе, но мы вообще-то на работе. И я как руководитель нашей небольшой творческой группы предлагаю компромисс. В полицию я не пойду, но с условием, что мы доснимем всю историю до конца. И никто никуда не дергается. Нам нужен всего один день, вернее – сутки. Согласна?

ПАУЗА

ДЭН. Всего один день – и тотчас домой. Договорились?

ВИКТОРИЯ. Ладно. Звонить Г.Б. и всё объяснять будешь сам.

ДЭН. У вас вся спина белая, девушка.

ВИКТОРИЯ. Да пошёл ты!

ДЭН. Серьезно. Давай отряхну, а то примут за бомжей и заметут.

ПАУЗА

ДЭН. Вика, знаешь, о чём я сейчас подумал?

ВИКТОРИЯ. Знаю. О колбасе и пиве.

ДЭН. Вика!

ВИКТОРИЯ. Ну что?

ДЭН. Скажи честно, ведь тебе не всё равно? Я сам из себя героя не корчу, мне тоже было не по себе, но нельзя это дело так оставлять. Должно у нас тоже что-то болеть?

ВИКТОРИЯ. У меня всё болит!

ДЭН. Я про другое...

ВИКТОРИЯ. Хватит, Дэн! Я не тупая. Я всё понимаю. Просто я испугалась. Сильно.

ДЭН. Представь, сейчас придём в гостиницу, а Сидор Иванович...

ВИКТОРИЯ. Чего?

ДЭН. Того. Ему же не семнадцать лет.

ВИКТОРИЯ. Чего ты говоришь-то, думай! Он крепкий ещё старик. Вон как он шутит прикольно.

ДЭН. Он всё время лекарства глотает. А это не прикольно.

ПАУЗА

ВИКТОРИЯ. Да нет! Он не может. Зачем ему... Ему нельзя! Тогда вообще всё это теряет смысл.

ДЭН. Вот именно. Пошли его искать. Побежали!

ВОСЕМНАДЦАТАЯ КАРТИНА

На террасе замка.

ИАНА. Добрый вечер, уважаемый пастор! Так ведь нужно правильно к вам обращаться?

ПАСТОР. Добрый вечер. Да, так вполне можно.

ИАНА. А меня зовут Диана. Я представляю интересы нашей компании, которая совсем недавно вступила в права на эту недвижимость. Моё имя запомнить легко из-за известной любовной истории с принцессой Дианой. Помните?

ПАСТОР. Да, разумеется. В Германии это частое имя.

ИАНА. Мне нравится, что многие немцы теперь учат русский. Но здесь, в глубинке, услышать родную речь особенно приятно. Откуда у вас такой прекрасный русский язык?

ПАСТОР. Я некоторое время изучал русскую культуру в Москве.

ИАНА. А вы выступаете сейчас как частное лицо или представляете некую организацию?

ПАСТОР. Общественную организацию, но в данном случае — я только частное лицо.

ИАНА. Замечательно. Вы хотели встретиться с хозяевами, как мне доложил мой помощник? Что ж, я вас рада приветствовать от их имени.

ПАСТОР. Вы, наверное, знаете, что в этом городке есть церковь, где я служу. Церковь очень старая, у нас небольшой приход и...

ИАНА. Я поняла вас. Мы, православные русские люди, чем можем — всегда помогаем. Например, мой муж в своё время давал деньги даже на восстановление мусульманской мечети, так что...

ПАСТОР. Спасибо. Но речь не идёт о пожертвованиях для немецкой церкви.

ИАНА. Вы не скромничаете? С другой стороны, понятно: Германия — страна богачей.

ПАСТОР. Я только хотел сказать, что наша церковь оказывает помощь всем тем, кто в ней нуждается, вне зависимости от национальности.

ИАНА. Вот как. Это хорошо и вполне толерантно.

ПАСТОР. В том числе, если к нам обращаются люди из России. Я хочу поговорить с вами о солдатской могиле, что есть у вас во дворе.

ИАНА. О могиле? Первый раз слышу. Вы меня пугаете, пастор!

ПАСТОР. Я говорил много об этом вашему помощнику по телефону.

ИАНА. Так расскажите и мне.

ПАСТОР. Прямо у подножия башни есть белый крест, а поверх него красная звезда.

ИАНА. Кажется, что-то такое там есть. Да-да, конечно, я видела крест какой-то.

ПАСТОР. По моим сведениям, в том месте похоронен советский солдат, который погиб здесь во время войны.

ИАНА. Очень интересно! По вашим сведениям? А что это значит? Наверное, у вас есть документы?

ПАСТОР. Никаких официальных документов нет, но со слов нескольких старых жителей мы знаем, что здесь случилось в марте тысяча девятьсот сорок пятого года. Я производил поиски бумаг в архиве и сделал запрос в Россию после того, как узнал имя того солдата. Теперь его сын здесь. И он хотел быть на могиле. Значит, в вашем замке. Я надеюсь, вы это позволите?

ИАНА. Вы просто меня ошеломили! Я даже не знаю, что сказать! Архив... Солдат... Могила во дворе дома. Невероятно! Это как?! Выходит, что бывшие владельцы скрыли от нас важнейшую информацию?

ПАСТОР. А разве при покупке вы не осматривали замок?

ИАНА. Если мы будем осматривать каждый сантиметр своей недвижимости... У нас для это есть специальные люди... И потом... какое значение это имеет сейчас?

Итак, ваша просьба мне понятна.

ПАСТОР. Мы рассчитываем, что этот случай будет иметь большой положительный резонанс.

ИАНА. Резонанс? Вы сказали – резонанс?

ПАСТОР. Ведь это историческое событие, такое случается редко. Нужно хорошенько всё осветить. Так мы можем придти в замок уже завтра?

ИАНА. Я в шоке, я просто в шоке! А что значит – «мы»?

ПАСТОР. Представители нашего общества и гости из России.

ИАНА. То есть целая команда?

ПАСТОР. Да, это такая небольшая команда.

ИАНА. Понятно.

ПАСТОР. Спасибо. Я, надеюсь, это не будет вас стеснять?

ПАУЗА

ИАНА. Кажется, дело прояснилось. Я не хочу ставить никаких условий. Но у меня есть огромная просьба.

ПАСТОР. Конечно, если я могу её исполнить.

ИАНА. Наша компания приобрела этот замок для коммерческого проекта, и мы не хотим, чтобы наличие могилы, этот факт стал достоянием прессы. Поэтому никаких интервью, репортажей, телепередач. Пока это невозможно.

ПАСТОР. Но...

ИАНА. Никто не заинтересован в обострении взаимоотношений. Ведь так?

ПАСТОР. Так. И я хотел предложить, чтобы наша общественная организация перенесла прах солдата на кладбище у реки, где похоронено много солдат Красной армии. Это станет торжественной церемонией, и там будет уже пресса и гости.

ИАНА. Что за мысль?! Зачем это? Я же сказала вам, что...

ПАСТОР. Но это ведь ваши герои. Разве вы этого не хотите?

ПАУЗА

ИАНА. Я не хочу? Да что вы говорите! Уважаемый пастор, вы на сто процентов правы. Только давайте будем делать всё по порядку. Дело это очень серьёзное, тут нельзя спешить. Тем более что сам хозяин нашей компании скоро будет здесь. И он пока не знает ничего!

ПАСТОР. Надо создать такой план работы и всё обсудить. Может быть, ваш директор должен будет встретиться с нашим бургомистром.

ИАНА. Вот! И я об этом! Это очень здравая мысль: обсудить всё на самом верху, а потом действовать. Договорились?

ПАСТОР. Наверное, да...

ИАНА. А теперь, прошу прощения... Я после длинной дороги совсем без сил...

ПАСТОР. Конечно, простите. Я вас задержал и уже ухожу. Но что же мы будем делать завтра?

ИАНА. Томас вам позвонит. Мы, конечно, позволим посетить замок родственнику предполагаемого солдата, раз уж он приехал и так уверен в своей правоте. Но без всякой прессы. А параллельно сами по нашим каналам наведём все справки, чтобы не дай бог не вышло какой-нибудь ужасной ошибки.

ПАСТОР. А в чём может быть ошибка?

ИАНА. Во всём. Это ведь очень серьёзное дело. И пока нет документов и бумаг, всё это из области предположений. Для меня, например, самый большой вопрос: почему там белый крест?

ПАСТОР. Но этому есть объяснения... Дело в том...

ИАНА. Уважаемый пастор, не беспокойтесь! Мы привлечём к этому делу настоящих профессионалов, тем более что к памяти советских солдат на нашей родине теперь относятся очень трепетно. Насколько я поняла, вы работаете на общественных началах, из спортивного, так сказать, интереса. Полагаю, вас должны поощрить через наше консульство за такое рвение. До свидания.

ПАСТОР. До свидания. Нам надо знать время нашего посещения.

ИАНА. Конечно, мы всё сообщим. Мы обязательно вам позвоним.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ КАРТИНА

Скамейка на перроне железнодорожного вокзала.

МУЖЧИНА (*отхлёбывая из бутылки*). Как думаешь, доехал он?

ЖЕНЩИНА. Кто?

МУЖЧИНА. Дед Пихто!

ЖЕНЩИНА. У тебя чего сегодня, приступ?

МУЖЧИНА. Сука ты, Верка. Ох, какая же ты сука!

ЖЕНЩИНА. Может, тебя огреть ещё разок?

МУЖЧИНА. Ему там, среди немцев, очень бы те часыгодились. Я тебе точно говорю.

ЖЕНЩИНА. Бредишь, что ли, опять?

МУЖЧИНА. Командирские часы-то были. Не простые. Из того чемодана. Помнишь?

ЖЕНЩИНА (*нарочито громко*). Из чемодана, который ты украл?

МУЖЧИНА. Не ори!

ЖЕНЩИНА. Сам не ори, лохотронщик. Связалась я с тобой.

МУЖЧИНА. Он теперь мне снится. Понимаешь ты, кукла? А почему?
ЖЕНЩИНА. Водяры жрать меньше надо.
МУЖЧИНА. Я, может, и пьяница, но я понятия имею. Я тебе говорил, не надо было того мужика трогать. Он же на солдатскую могилу ехал.
ЖЕНЩИНА. Ну давай иди в ментовку, сдайся в плен.
МУЖЧИНА. В том-то и дело!
ЖЕНЩИНА. В чём?
МУЖЧИНА. В том то и дело, что русские не сдаются!
ЖЕНЩИНА. Если ты такой русский, то какого хрена пиджак его на себя нацепил?
МУЖЧИНА. Вот именно – какого хрена?! У него же тут в кармане справка, она мне весь бок прожгла!
ЖЕНЩИНА. Чего?
МУЖЧИНА. Того! Читай! (*Суёт под нос своей подруге мятый листок бумаги.*)
ЖЕНЩИНА. Это ты ведь у нас шибко грамотный. Вот ты и читай.
МУЖЧИНА (*читает с трудом*). «Настоящим уведомляем...» Уведомляют они! Поняла? «Уведомляем, что ваш отец Иван Матвеевич Коргуев, находясь на Первом Украинском фронте, в Первой гвардейской армии пропал без вести в марте тысяча девятьсот сорок пятого года...» Вот! Вот!
ЖЕНЩИНА. Что – вот? Как будто в том чемодане миллионы были. Дребедень всякая.
МУЖЧИНА. Сама ты дребедень! Без вести он пропал в гвардейской армии. А я не пропал! Не провалился сквозь землю. Почему?
ЖЕНЩИНА. Ещё провалишься. Питерский скорый на вторую платформу приходит. Почесали на работу, чёрт.

Женщина встаёт и уходит.

МУЖЧИНА. Я с тобой никуда не пойду! Нам с тобой не по пути! Я лучше сдохну под забором. Граждане! Послушайте! Послушайте все! Вы думаете, я кто? Я... я...

Он полон решимости что-то сказать, но медлит и вянет.

ДВАДЦАТАЯ КАРТИНА

В гостиничном номере Сидора Ивановича.

ДЭН. Получается так, что завтра мы не можем ни снимать, ни фотографировать? Я правильно вас понял, господин пастор?
ПАСТОР. Так сказали хозяева, это их условие, чтобы Сидор Иванович смог посещать могилу отца.
ВИКТОРИЯ. Может, тогда отснимем общий вид замка? Потом пойдут твои комментарии за кадром...
ДЭН. Не надо меня режиссировать! Какой ещё голос за кадром, если в кадре нет самого главного. Полная ерунда. Это невозможно! Это – крах всего проекта!
ПАСТОР. Я ещё сегодня могу позвонить бургомистру. Может быть, он скажет своё слово по телефону хозяевам.
ДЭН. Извините, господин Брокман, но если это действительно наши российские господа, то они в гробу всех видели, в том числе и вашего бургомистра.
ПАСТОР. Что это значит?
ВИКТОРИЯ. Плевать они на всех хотели.
ПАСТОР. Виктория, мы очень волновались, что вас с Дэном долго нет. Вы уверены,

что с вами ничего не случилось?

ДЭН. Нет. У нас-то всё хорошо. Мы просто гуляли.

ПАСТОР. Мы даже хотели сообщить в полицию. А потом мне звонили из вашей телевизионной компании. Они ждут вашего репортажа.

ВИКТОРИЯ. Спасибо. Мы знаем. Дэн уже связался с Галиной Борисовной. И сообщил, что всё идёт по плану.

ДЭН. Вот именно. Я сообщил! Но выходит, что я гнал пургу. Полная засада.

ПАСТОР. Что это значит?

ДЭН. Извините. Долго объяснять...

ВИКТОРИЯ. Что теперь, Дэн?

ДЭН. Ничего! С другой стороны, самое важное, чтобы Сидор Иванович побывал на могиле. Это – самое главное!

ПАУЗА

СИДОР ИВАНОВИЧ. Не знаю, что сказать, ребята. Не знаю...

ВИКТОРИЯ. Давайте звонить в консульство. В конце концов они должны защищать интересы своих граждан – и живых, и мёртвых.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Молодец, дочка! Это ты сейчас не бровь, а в глаз сказанула.

ПАСТОР. Можно позвонить в консульство, но всё-таки у нас в Германии есть закон, что на частную территорию мы не можем заходить без разрешения.

ВИКТОРИЯ. Но ведь мы журналисты.

ДЭН. Без разрешения не можем... Если это, конечно, не война.

ВИКТОРИЯ. Чего они боятся?

ДЭН. И кто они такие? Известны их имена, фамилии? Из какого они города хотя бы?

ПАСТОР. Я не знаю, но они говорят по-русски. В Европе очень много богатых русских. У них может быть паспорт любой страны.

ДЭН. Подумаешь, замок прикупили за пару миллионов евро. Но сделку же регистрируют где-то? Почему мы не можем справки навести?

ПАСТОР. Это надо делать официально.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А Томас, который помощник, сказал, что он родом из Латвии.

ДЭН. Прекрасно! Ещё бы! Наши давние друзья!

ПАСТОР. Совершенно точно, что замок принадлежит фирме, которая не находится в России.

ВИКТОРИЯ. Дальше всё ясно. Зачем им светиться?

ДЭН. Концов не найти. Тем лучше.

ВИКТОРИЯ. А чего здесь хорошего-то?

ДЭН. Что делают, когда идёт война?

ВИКТОРИЯ. Воюют.

ДЭН. Верно. А ещё посылают к чёрту все законы и правила. Они же предатели. Это ясно.

ПАСТОР. Извините, но я должен сказать, что законов здесь у нас в Германии никто не может нарушать. Надо написать обращение от имени Сидора Ивановича к бургомистру и руководству нашего общественного Союза. Надо чтобы он попросил забрать могилу своего отца на общее кладбище на окраине нашего города. И тогда всё будет идти цивилизованным путём.

ДЭН. Сидор Иванович, тут вам решать. Мы сделаем всё, чтобы вам помочь. Конечно, мы как журналисты понимаем, что правильнее было бы дать людям полную, объективную картину, наш репортаж очень ждут дома, но что поделать, если...

Ничего мы не можем сделать против этих козлов, у которых куплено всё и везде!

И дома не можем, и здесь не можем. Вот это бесит больше всего!

ВИКТОРИЯ. Это точно. И вообще, какой-то сплошной детектив получается... Дэн, я,

кажется, догадываюсь, кто нам руки крутил ночью...

ДЭН. Поздравляю.

ПАУЗА

СИДОР ИВАНОВИЧ. За хлопоты, за поддержку поклон вам низкий, дорогой Гюнтер. Вы хозяевам-то позвоните и скажите, что, мол, согласен я, приду один в полдень. И письмо нужное подпишу, чтобы лежал отец рядом со своими боевыми товарищами.

ПАСТОР. Думаю, что вы принимаете разумное решение. Тем более сейчас такой большой негатив против России... Если вы сами не можете договориться со своими соотечественниками, то мы не можем вам сильно помочь. Простите. Я подготовлю нужный документ. К тому же вечером до вашего отъезда будет устроен обед с членами городского совета. И Викторию с Дэном мы, конечно, приглашаем тоже.

ДЭН. (*В сторону*) О, боже! Как стыдно!

ВИКТОРИЯ. Спасибо.

ПАСТОР. Вы должны знать, что ваши слова на встрече были очень важны для немецкой публики. До свидания! До завтрашнего дня.

Пастор уходит

ВИКТОРИЯ. Может, так будет лучше для всех?

ДЭН. Конечно. Завалили всю работу... И главное, очень цивилизованно!

ВИКТОРИЯ. А что ты предлагаешь?

ДЭН. Ничего. Хотя нет! Предлагаю выдвинуться на передовую позицию, то есть в бар.

ВИКТОРИЯ. А Г.Б. кто будет звонить?

ДЭН. Бармен.

ВИКТОРИЯ. Ладно, я с тобой. До свидания, Сидор Иванович!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ох, засранцы! Ох, засранцы!

ДЭН. Это вы про нас, что ли?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Это я про тех, кто признаться боится, что он русский! За свою шкуру трясутся, подлецы! Память короткая. Всё позабыли! А где бы они с этими дворцами и со своими деньгами были бы, если бы не мой батька?

ВИКТОРИЯ. Да вы, Сидор Иванович, не волнуйтесь так! Вам нельзя!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Как же, милая, не волноваться? Ведь у них тоже и батьки, и бабки, и деды были, которые по всем дорогам здесь, может быть, без имени лежат. А они, выходит, на них плюют, что ли? Это разве люди?

ДЭН. Вы в самом деле успокойтесь. Таких уродов только могила исправит.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Нет! Ничего их не исправит! Я ведь зачем пастора усрал?

Потому что он нас всё одно понять не сможет. А коли уж война пошла, то мы с вами воевать должны, а не слёзы по подушкам размазывать. Правильно я говорю?

ДЭН. Да-да! Я Виктории сегодня тоже говорил...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я сын солдата. И за его имя я биться буду! Зачем же иначе мы столько вёрст отмахали?

ДЭН. А Викуся сегодня вообще сквозь стены прорвалась под моим чутким руководством. Так что имейте в виду, Сидор Иванович, мы уже на всё готовы.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Скажи-ка мне, девушка, а твоя штука, камера эта, она в темноте снимать может?

ВИКТОРИЯ. Не поняла. А что снимать-то?

ДЭН. А я понял! Правильно! Только не ночью, а на рассвете надо идти, когда все дрыхнут. Лично я согласен. Главное, нам отснять само место. Побольше крупных планов. И вас, конечно, у отцовской могилы.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Так и порешим! Ихние законы – нам не указ.

ВИКТОРИЯ. Отснимем всё. А как мы туда попадём-то? Там забор, ворота, и, наверное, охрана есть.

ДЭН. Какая охрана в четыре утра?

СИДОР ИВАНОВИЧ. У дальней калитки удобное место есть, пролезть можно, у самой земли. Всё я там разведаль.

ДЭН. Нам-то пролезть, – не вопрос. А вы как же?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ничего. Похрустим да не сломаемся.

ВИКТОРИЯ. Дэн, я не знаю...

ДЭН. Я просто из принципа! Мне нравится! А если что, прорвёмся с боем. Нам, главное, минут пять-десять продержаться.

ВИКТОРИЯ. Ага. И вырваться из окружения без потерь.

ДЭН. Мы тебя прикроем, если что. Правильно, Сидор Иванович?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Вот верите, ребята? Хоть бы сам тут дракон вылез из-под земли, всё равно бы не удержался я – пошёл. И правду скрывать от людей нельзя. Нельзя! Всё должны мы рассказать. Всё, как есть. Всё, как было. И про отца моего и про пастора, и хозяев этих, которые себя русскими бояться называть. Если отцов наших от нас вот так прятать будут – а мы поддадимся, то тут нам всем и каюк. Или вы думаете, может, что я, старый филин, из ума выжил?

ВИКТОРИЯ. Да ничего вы не старый.

ДЭН. Сидор Иванович, да мы за вас им всем пасти порвём.

ВИКТОРИЯ. Точно. Всё пучком и... хвост торчком! Видите, от вас теперь и я заразилась.

ДЭН. Ты гони, Виктория, проверь всю технику. А я кое-что ещё сделаю для подстраховки.

Виктория уходит.

ДЭН. Отдыхайте, Сидор Иванович, я через час приду. Разберём наш план по косточкам.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Скажи, а всё-таки звать-то тебя по-настоящему как?

ДЭН. Денис.

СИДОР ИВАНОВИЧ. А по отчеству?

ДЭН. Денис Васильевич.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Ух, ты! Прямо как герой двенадцатого года Денис Васильевич Давыдов.

ДЭН. Мне учительница в школе так говорила: Булкин, смени фамилию на Давыдов и цены тебе не будет.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Значит, попартизаним, Денис Васильевич?

ДЭН. А то! Не подведём! А вы отца своего совсем не помните?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Детскими глазами глядел, как в тумане, словно на берегу морском. Родом ведь мы с Беломорского берега. Род наш сказочниками был богат.

ДЭН. Это видно.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Меня только на поговорки хватило. А вот ежели бы я в полной мере их дар перенял, то такую бы сказку сочинил! Эх, всем на загляденье. Такую....

ДЭН. Какую?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Завтра, Денис Васильевич, после боя и расскажу.

ДЭН. По рукам! Это как раз для финала истории было бы просто замечательно!

Дэн уходит. Сидор Иванович берётся за таблетки, запивает водой. У него за спиной появляется Смерть. Сидор Иванович оборачивается, хватается за горсть земли и прижимает её к груди.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ КАРТИНА

Темно. Виден лишь абрис ворот замка. С одной стороны к ним подходит Сидор Иванович, с другой Иван – в сопровождении Смерти. Останавливаются по разные стороны ворот. Между ними полоса тусклого света.

ИВАН. Не вижу я никого, словно в тумане всё.

СМЕРТЬ. Так положено. Здесь он.

ПАУЗА

СИДОР ИВАНОВИЧ. Отец! Отец!

ИВАН. Сидорка! Ты ли это, сынок мой родной?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я это! Я!

ИВАН. Тот, кого на руках я качал? Ты ли это? Тот, кого жена моя Аня родила от любви нашей?

СИДОР. Я это! Я!

ИВАН. Тот, кого смерть ещё не взяла, чтобы выкупить меня из неизвестности?

СИДОР. Я это! Я!

ИВАН. Здравствуй, Сидорка. Нашёл ты всё-таки меня, сынок. Нашёл-таки батьку своего запропащего. Как же долго ты шёл ко мне! Как долго!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Так ведь неизвестность, одна тьма кругом была, отец. Никто не знал, как и где ты погиб, в каком краю, в каком бою. Но мир не без добрых людей, помогли.

СМЕРТЬ. Чего же тут неизвестного? Осколок ему в сердце попал. Я за ним не собиралась.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Значит, быстрой смерть была?..

СМЕРТЬ. Быстрее не бывает...

ИВАН. Не слушай, костлявую! Не искал я её!

СМЕРТЬ. На рожон лез. А мог притаиться.

ИВАН. Не мог! Опять врешь!

СМЕРТЬ. Жизнь — обман. А я чем хуже?

ИВАН. Нам поговорить надо. Уйдёшь ты или нет?

СМЕРТЬ. Уйти не могу, а перекур устроить можно. Махорку давай! И пока мой перекур длится — вот вам и встреча.

Иван достаёт кисет и бросает его Смерти.

ИВАН. Как обещал. Всё забирай, не встречай только!

СМЕРТЬ. А ты гляди за ту черту, где свет полосой лежит, не заходи. Полоса эта будет нейтральная. Понял? А то это... того...

ИВАН. Чего?

СМЕРТЬ. Слова забыла. А-а, вот: связи не будет. Ещё бы огоньком разжиться.

ИВАН. «Катюшу» в кисете ищи.

Смерть отходит в глубину к воротам, садится посередине в полосе тусклого света, достаёт из кисета бумажку, заправляет её махоркой, пытается свернуть сигарку.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Значит, в тот смертный час ты бы и выжить смог, и после домой вернуться, и вся бы жизнь моя как в сказке потекла?

ИВАН. О матери твоей и о тебе всё время сердце моё болело. Но на войне так: кому-нибудь убитым быть надо...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Я осуждать тебя не смею? Что ты! Я тобой всю жизнь гордился.

ИВАН. Так и быть должно, Сидорка! Кровиночка моя...

СИДОР ИВАНОВИЧ. А сам-то я старался, тянулся, жизнь честную прожил. Вот состарился, а ничего постыдного не сделал, хоть и гнутья пришлось перед многим. Крепко помнил, что я есть солдатский сын.

ИВАН. Слышу, слышу я породу нашу в голосе твоём. А про тот час... Я ведь в каких только переплётах не побывал, думал, повезёт и в этот раз. Только вдруг всё случилось. Артиллерийскую разведку нашу, за которой мы связь тянули, поубивало всю. Паренёк один был при мне, Мишкой звали. Необстрелянный совсем. Я его к своим отправил, чтобы наши пушки знали, где гадов немецких прищучить. А паренёк, видать, не дошёл. И пришлось мне по рации огонь на себя вызвать. Огонь на себя — это называется. Понимаешь? А там уж не угадать...

ПАУЗА

Смерть старается с помощью «катюши» высечь огонь, дует на фитиль. Огонь вспыхивает, Смерть пытается прикурить. Свет становится ярким, как вспышка.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Вижу! Я тебя вижу!

ИВАН. Ты...

СИДОР ИВАНОВИЧ. Отец!

ИВАН. Сидорка? Ты? Сынок!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Какой ты молодой! Какой ты...

Фитиль «катюши» гаснет. Смерть повторяет попытку. Огонь снова вспыхивает ярко.

ИВАН. А ты старый... Сидорка, мальчик мой. Слезы, что ли, у тебя на глазах сверкают?

СИДОР ИВАНОВИЧ. Пустяки, батя! Я ведь за тебя жизнь прожил... А слёзы – они как розы, из сердца растут...

ИВАН. Коргуев ты! Коргуев! Мы за словом-то в карман не полезем!

СИДОР ИВАНОВИЧ. Это стихи. Я их в детстве для тебя сочинил: «Слёзы, как розы, из сердца растут, будет Победа и битвам капут, и обниму я героя-отца — смерть отступает, а жизнь без конца!»

Огонёк гаснет. Смерть несколько раз усиленно пыхает сигаркой. И начинает страшно кашлять.

ИВАН (*повторяет*). «Смерть отступает, а жизнь без конца!» Слыхала ты, костлявая? Она меня, зараза, всё в безымянные записать хотела! Но не вышло у неё ничего! Не вышло! Знал я, что найдусь, выплыву на белый свет!

СМЕРТЬ. Ты что подсунул мне, безымянный?! Издеваться вздумал?

ИВАН. Иваном меня зовут! На веки вечные с именем буду!

СМЕРТЬ. Конец свиданью объявляю! Разойдись!

Смерть продолжает кашлять, не может закончить свою речь.

СИДОР ИВАНОВИЧ. (*Протягивает горсть земли.*) Землица здесь родная.

ИВАН. Эх, Сидорка! Эх, сынок! Знаешь ли ты, что это такое для меня? Горстка эта мне вместо души будет. Вот оно как!

СМЕРТЬ. Не положено это! Выкуп этот мне, а не ему причитается!

Продолжает кашлять

ИВАН. Врёшь, костлявая! Не возьмёшь!

Отец и сын идут наощупь навстречу друг другу. Смерть кашляет, не в силах им помешать.

ЭПИЛОГ

Телестудия. Работает большой монитор. Галина Борисовна, несколько сотрудников, в том числе Дэн и Виктория, смотрят рабочий материал передачи. Подряд смонтированы короткие эпизоды, которые идут без всяких комментариев.

ПРОПОВЕДЬ ПАСТОРА В ЦЕРКВИ

Интерьер костёла. Вечерняя служба. Гюнтер Брокман сосредоточенно смотрит перед собой. За кадром идёт озвучивание текста на русский язык.

ПАСТОР. ... *und so hat Gott durch den Tod die Menschen mit sich wiedervereint...*
...и так, с помощью смерти, Бог воссоединяет людей с собой...
... *und so hat Gott durch den Tod die Menschen mit sich wiedervereint...*
...и так, с помощью смерти, Бог воссоединяет людей с собой...
... *und so hat Gott durch den Tod die Menschen mit sich wiedervereint...*
...и так, с помощью смерти, Бог воссоединяет людей с собой...

ПАУЗА

МУЖЧИНА. *Ist es das, was wir hören sollten?*

Это всё что мы должны услышать?

ЖЕНЩИНА. *Das sing gar nicht seine eigenen Worte. Er hat keine Predigt vorbereitet.*

Это даже не его слова. У него не готова проповедь.

МУЖЧИНА. *Wovon wollen Sie uns überzeugen?*

В чем вы пытаетесь нас убедить?

КАДРЫ ВОЕННОЙ КИНОХРОНИКИ

Раненые красноармейцы в госпитале слушают бойца, который с упоением распевает частушки. Бойцы смеются от души. Не смеётся только один боец, он очень внимательно глядит на рассказчика, словно припоминая что-то. Этот боец очень напоминает Мишку. Но вот звучат дружные аплодисменты и, наконец, и он смеётся со всеми.

НОЧНАЯ СЪЁМКА В ЗАМКЕ

Крупным планом показано место захоронения Ивана Коргуева. На земле большой белый крест, а в его центре – красная звезда. Перед могилой отца стоит Сидор Иванович и Дэн. Сидор Иванович опускается на колени, вынимает камень из самого центра красной звезды и высыпает туда землю. Слышны крики. Через несколько секунд камера резко меняет ракурс. Видны приближающиеся люди в чёрных костюмах.

ГОЛОС. Вы нарушили границы частных владений! Немедленно убирайтесь!

ГОЛОС. Хватайте девчонку. Отберите у неё камеру.

ДЭН. Уходи, Вика! Уходи!

Дэн преграждает путь охранникам. Завязывается потасовка, изображение обрывается.

ПЕРЕВЯЗКА

Сидор Иванович перевязывает голову Дэну, который выглядит совершенно счастливым человеком и всё время улыбается.

СИДОР ИВАНОВИЧ. Кружила над Белым морем птица. Не знала куда сесть. Да на счастье парус белый среди волн показался. Села птица на плечо рыбаку, а сама всё вдаль глядит. «Что, птица, высматриваешь там?» – спросил рыбак. А птица расправила крылья и полетела за горизонт. Вот кабы не рыбацьи плечи, то разве ж птица за горизонт летала?

У ВОРОТ

Виктория настойчиво звонит в звонок. Из домофона доносится голос Дианы.

ГОЛОС. Хэллоу?

ВИКТОРИЯ. Здравствуйте! Я знаю, что вы говорите по-русски. Это Виктория.

ГОЛОС. Но мы никого не ждём. Какая ещё Виктория?

ВИКТОРИЯ. Обычная русская Виктория.

ГОЛОС. Что вам нужно?

ВИКТОРИЯ. Я хочу оставить цветы на солдатской могиле, которая находится в вашем замке.

ГОЛОС. Не очень понятно, что вы имеете в виду? О чём вы говорите?

ВИКТОРИЯ. Всё вам понятно. У вас во дворе похоронен русский солдат Иван Коргуев. А утром здесь был его сын Сидор Иванович. Помните, как ваша охрана тут порядки наводила? Вы ведь помните?

ГОЛОС. Предположим... Но он его сын. А вы-то кто?

ВИКТОРИЯ. Мы родственники.

ГОЛОС. Какие ещё родственники?

ВИКТОРИЯ. Очень близкие.

ГОЛОС. Не выдумывайте. У гражданина, о котором вы говорите, родственников нет. И вообще, это частная территория, и мы не обязаны пускать сюда всех подряд. Мы ждём делегацию, не занимайте наше время. Убирайтесь, пока мы не вызвали полицию.

ВИКТОРИЯ. Хорошо, я уйду. Но запомните, что у него очень много родственников, у него их так много, что и не перечить. И они обязательно придут, вот увидите. Уж мы постараемся.

ГОЛОС. Кого вы собрались сюда приводить? Что за ерунда! Остановитесь! Нам нужно поговорить! Пойдите, мы уладим всё цивилизованным способом...

Голос Дианы продолжает звучать. Виктория кладёт букет цветов у ворот и уходит.

ЗАНАВЕС

Аннотация.

Сын бойца Красной армии безуспешно ищет могилу отца 70 лет. Её находят в Германии члены немецкого общества по уходу за могилами советских воинов. За

границу пожилого человека сопровождают молодые журналисты частной телекомпании, оплатившей расходы, с целью сделать актуальный репортаж в режиме он-лайн. На месте дело принимает неожиданный оборот: журналистам пытаются помешать, а новые хозяева замка не желают огласки факта нахождения на их территории могилы бойца Красной армии. Вскоре выясняется, что собственниками земли являются русские. Действие пьесы разворачивается в двух временных пластах: в марте 1945 года и в наши дни.

kantervo@mail.ru

8-921-577-54-25

